

Дорога к себе

Начало пути

Арэку Сэнэрин

Арэку Сэнэрин

Дорога к себе. Начало пути

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11008716

ISBN 9785447413484

Аннотация

Заснув однажды в своей постели, где гарантия, что проснешься ты в ней же? Может ли сон твой кошмарный вовсе не сном оказаться? Словно руками могучими кто-то втянул в этот хаос намеренно. Здесь начинается странная жизнь, судя по жизни вне сна. Только с трудом ноги движутся, страх отовсюду рваным лезвием. В этот момент все, что требуется – принять свой безумный сон как данное. Пойми, иномирец, что не спишь ты более, и хватит чураться сих перемен. А вот реальная жизнь твоя – просто ночной кошмар...

Содержание

Благодарности	5
Вступление	6
Пролог	7
1 глава.	22
2 глава. Беглец	48
3 глава.	75
4 глава.	115
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Дорога к себе. Начало пути

Арэку Сэнэрин

Серия книг «История одного Дракона»

Война ради мира

В лапах безумия

Рожденный Тенью.

Наследник трона

Именем короля

Post Scriptum.

Дорога к себе

Рожденный Тенью

Небоскреб моей души.

Знакомство с силой

Истина где-то рядом

Зона Тени

В плену у времени

Post Scriptum.

Небоскреб моей души

© Арэку Сэнэрин, 2015

Художник-иллюстратор Татьяна Харьковец

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Благодарности

Спасибо, дорогая Ольга, что все это время поддерживала меня, за правки в книге, за похвалу. Сложно добиваться своего, когда ты один.

Спасибо, солнечная Мария, за преданность Балакиши и безграничную к нему любовь.

Спасибо, милая Анята, за твои искренние эмоции и поддержку. Ты понимаешь меня, как никто другой.

Спасибо, Екатерина, за редакторские правки, твои положительные отзывы о книге.

Спасибо, мой чудесный Игорь, что позволил мне заниматься своим творчеством, стал первым читателем «Дороги» и вдохновил меня на данное произведение.

И спасибо всем, кто верил и продолжает верить в меня и в эту историю.

Вступление

*Прекрасен мир чудес и волшебства
Настолько же и страшен он бывает.
Здесь силой наделяются слова,
Они же без препятствий убивают.*

*Огонь – стихия высших из существ —
Способен принимать любые жертвы.
Готов ли ты нести тяжёлый крест?
Готов ли оказаться в пекле первым?..*

*А если недостаточно силен
Не стоит удаляться от порога.
Решившись, будь и храбр, и умен,
К ногам твоим постелется дорога,*

*Где встретишь в равной степени и зло
И добрые слова, и грусть, и радость.
Запомни лишь: тебе не повезло —
У каждого за жизнь своя награда!*

Пролог

И всем вокруг воздастся по делам

Куда б трона судьбы не увела!..

Эндаёр, юго-запад мира

с. Балáшки

В сумерках наступающей ночи лужи, в которые превратился талый снег, отражали все еще тусклый свет луны и крыши потемневших домов, по большей части угрюмых, пустых, немного зловещих. В неподвижной застоявшейся воде лишь на миг показался облик человека, а затем от встречи с подошвой сапога ее поверхность возмущенно всколыхнулась, искажая отражения и превращая их в настоящих монстров с меняющимися форму телами.

Продолжая свой бег, девушка хлюпнула и по следующей луже, не обращая внимания ни на мокрую обувь, ни на зимнюю прохладу. Ее беспокоило только одно: поскорее добраться к дому неподалеку, который от ее собственного отделила черная широкая дорога и пологий холм. Поднимая руками подол длинного сарафана, она резво прыгнула на покосившийся порог, скрипнувший под каблуками, и стала громко стучать в дверь, чувствуя скачками нарастающий страх.

Ничуть не удивившись поздним гостям (такое иногда случалось), хозяйка этого скромного жилища быстро открыла. Перестав размахивать кулаками, девушка испуганно подня-

ла взгляд на лицо Архелии, посмотрела в ее темные и лишающие воли глаза и сразу потупила взор, не выдержав зрительного контакта с той, к которой так стремилась.

— Что тебе нужно, соседское дитя? — Голос женщины обладал не меньшей силой, а размеренный, спокойный тон лишь придавал ему власти.

— Ба... бабушка... ей плохо... Помогите. Вы ведь можете?!.. — то ли от страха, то ли от холода или же бега девушка вконец сорвалась на шепот.

Архелия не спешила отвечать. Она пристально осмотрела гостью, внучку одной из немногих, кто еще остался в этой деревне и доживал здесь свои последние годы: совсем ребенок по ее меркам, в одном платье и сапогах, а ведь на улице январь, так мчалась сюда, что даже не оделась.

— С чего ты взяла, что я могу помочь? — В вопросе женщины звучала насмешка, хотя она, конечно, и так знала ответ. — Впрочем, неважно. Сейчас.

Оставив девушку мерзнуть на улице, Архелия скрылась в доме, быстро нашла то, что необходимо, и, накинув на плечи пуховой платок, вышла к гостье. Не говоря и слова, та бросилась обратно к своему дому, все так же топая по лужам и вырывая комья грязи каблуками. Первой открыв дверь, забежала внутрь. Архелия широкими шагами последовала за ней, благодаря высокому росту, поспевая, не срываясь на бег.

Как и прочие угрюмые дома в деревне, этот не отличался

своим внешним видом, но в его недрах хотя бы горел свет, и было тепло. Не снимая обуви, званая гостья зашла в жилище и проследовала за девушкой к той, которой требовалась ее помощь: старуха лежала на кровати, отвернувшись к стене, и не шевелилась.

– Она... она... — Девушка закрыла ладонями губы и со слезами на глазах посмотрела на Архелию, ожидая услышать от нее самое худшее.

– Она жива, — быстро пресекла ее истерику та, подходя к кровати.

В подтверждение ее слов, старуха вдруг хрипло закашлялась, затем, пытаясь отдышаться, шумно втянула воздух сквозь едва ли разжатые зубы и повернулась на спину. Только тогда заметила свою внучку и Архелию.

– Ты-ы... — затянула она свою обычную «песню», почти что шипя от набирающей обороты злости. Даже недуг не смог ее утихомирить. — Это все ты, ведьма, и твой проклятый замок!.. Он ожил после твоего появления в деревне... Убирайся из моего дома!.. Убирайся из нашей!..

Старуха снова сорвалась на кашель и с трудом легла на другой бок, давая Архелии увидеть темную кожу у нее на шее: когда-то это пятно было намного ниже, теперь – разрослось и душило хозяйку, выпивая из нее все соки, которых, благодаря возрасту и жизни здесь, и так оставалось немного.

– Ты б замолчала, а то издохнешь раньше, чем я тебе по-

могу.

Старуха, может, и хотела ответить ей не менее «дружелюбно», но лишь засипела, закатила глаза и, дыша короткими рваными вдохами, замерла.

— Вы ведь поможете, да? — с надеждой прошептала внучка, тщетно вытирая бегущие по щекам слезы. — Сотворите колдовство, вылечите... Или вам нужно что-нибудь?.. Только скажите!

— Что, к примеру? — глядя на старуху, поинтересовалась Архелия, думая о том, что в последнее время зараженных становится все больше.

А ведь она предупреждала, просила всех бросить деревню. Кто-то действительно уехал, кто-то уже покинул этот мир, а были и те, что решились остаться, навлекая на себя беды.

— Я... я не знаю... Сердце?.. Кровь?.. — девушка резко смолкла, встретившись с Архелией взглядом.

— Падки же вы на выдумки. — Женщина даже улыбнулась этому факту, заодно вспоминая все те слухи, что бродили о ней и здесь, и за пределами деревни. — Чтобы ты знала, я и половины не могу из того, что говорят люди.

Но проигнорировать проблему Архелия все же не могла. Плавнo опуcтив руку к подолу своего как всегда темного платья: траур по второму мужу она обещала держать до самой своей смерти, — женщина вытащила из пришитого на юбке кармана маленький пузырек и осторожно его откупорила, от-

чего по комнате сразу же разлился приторный запах вареных трав.

— Это поможет, — с такими словами она вплотную приблизилась к старухе и самостоятельно раскрыла ей рот: у той все равно не хватило сил сопротивляться.

Тягучую зеленую жидкость, заполнившую сразу всю полость, тут же заволокло мутной оболочкой, соединяющей губы между собой и не дающей старухе выплюнуть зелье. От этого становилось страшно не только зараженной, но и ее внучке: обе с широко раскрытыми глазами смотрели на Архелию, вернувшую пузырек в карман. После чего женщина снова наклонилась над старухой и торопливо зашептала:

— Заклинаю тебя силой «Ловца времени», пусть часы твои продолжают неспешный бег, а тело не станет этому противиться. Даю тебе еще столько, сколько хватит твоему духу энергии держаться за то хорошее, что есть в твоей судьбе. Больше не в моей власти. Да пребудет с тобой время, — Архелия начертала надо лбом старухи символ, похожий на рыболовный крючок. — Сила, — женщина проделала то же самое над ее грудью. — И равновесие, — еще один знак она нарисовала над животом. — Живи. — Резко выпрямилась и сделала два шага назад.

На мгновение позже старуха изогнулась, забила руками по кровати и, свесившись к полу, выплюнула теперь уже черное зелье, большой кляксой растекшееся на крашеных половицах. Тогда же исчезло и пятно у нее на шее, впитавшись

в тягучую жидкость, сейчас оказавшуюся на полу.

– Приберись тут и не прикасайся к этому руками, — дала Архелия наставление девушке, а затем спешно покинула дом, не дожидаясь, когда ее поблагодарят или же прогонят.

Это был не первый человек с такими симптомами. В последнее время Архелия только так и занималась магией, не тратя сил на себя, а помогая жителям, пораженным чужой энергией.

Выйдя на улицу, женщина невольно вздрогнула от подхватившего платок и волосы холодного ветра и, отворачиваясь от его назойливых порывов, взглянула на темный большой дом на холме, возвышающийся над остальными постройками в Балашках.

Местные совсем не в шутку называли его замком, запрещали своим детям приближаться даже к невысокой, покореженной временем оградой, такой же мрачной и темной, как сам этот дом, двери в который невозможно было открыть. Он стоял на выжженном и приподнятом участке земли. Неподвижный, тихий, тревожный, неведомым образом вызывающий страстное желание убраться отсюда подальше.

Аномальные перемены погоды, пропажа людей или странные болезни, поражающие их, помехи связи... Жители считали, что причиной этому являлась не только Балашенская ведьма, но и сам таинственный замок на холме, многие века простоявший на этом месте, но оживший только пару десятков лет назад, с приходом самой Архелии. Это был дом,

о котором никто и никому не мог поведать: словно по чьей-то злой прихоти, люди забывали о нем, как только покидали деревню. К тому же будущего у Балашек все равно не было: такой же древний, могучий и темный, как этот замок, лес, медленно подступал к деревне, окружая ее со всех сторон. Неудивительно, что здесь остались совсем немногие.

Одной из таких жителей как раз и была Архелия, красивая женщина, несмотря на преклонный возраст, все еще выглядящая гораздо моложе своих лет, разве что с рождения серебряные нити на черных волосах могли показаться не ведающим поседевшими прядями. Ее не раз видели у ограды замка что-то нашептывающей, в такт словам плавно размахивающей руками, за это и прозвали ведьмой. Вдобавок ко всему ей удавалось излечивать зараженных людей, на которых медицина махнула рукой. Так что тех, кто распускал слухи просто из зависти, неприязни или от страха, нельзя было назвать лжецами. Она действительно являлась необычным человеком, не скрывала этого и гордилась своими способностями, хоть силы использовала только в крайних случаях.

А жила Архелия в небольшом доме по другую сторону самого замка, совсем не страшась такого соседства. Как и у большинства оставшихся, когда-то шумное ее жилище теперь стало пустым и тихим: дети и внуки давно перебрались в город. Но Архелия переезжать отказалась – она знала, что ее присутствие в Балашках жизненно необходимо, прежде всего, ей самой. Да и не пугало ее одиночество, при-

влекала спокойная, мирная жизнь, еще в молодости с нее хватило приключений. Только, даже здесь, вдали от своего родного мира, ее не оставляло тревожное чувство: вскоре должно было случиться что-то важное и, возможно, пугающее...

Медленно приблизившись к уродливой ржавой ограде, прутья которой торчали из земли, словно кривые клыки, Архелия снова проверила охранные знаки и заклинания, поставленные ею тринадцать лет назад. С очевидной неприязнью из-за слишком болезненных воспоминаний, связанных с этим замком, женщина взгляделась в темные двери, сейчас похожие на огромную пасть, жаждущую проглотить чью-нибудь жизнь. В довершение образа два больших окна выше напоминали пустые глазницы, идеально подходящие этому монстру.

Когда-то давно этот замок построил человек, ведавший, что здесь находился разлом. Чтобы увеличить его силу, даже дома выстроили необычным образом. Если бы кто-то провел невидимые линии от вершины этого строения к трем крайним в низинах, удивился бы пугающему равенству отрезков и образовавшейся перед ним геометрической фигуре. Трехгранная пирамида, с четко очерченными жилищами сторонами...

Спустя многие сотни лет первый муж Архелии, ища спасение на границе миров, соединил с замком собственный дом в Гвадааре. Только разрывы материи никогда не прохо-

дили без последствий: чужеродная энергия из рядом стоящего мира нередко врывается сюда, и сдерживать ее приходилось именно Архелии, считающей себя обязанной сохранять равновесие. Правда, была еще одна причина, по которой она выполняла эту работу: в доме находился человек, способный на великие деяния – как злые, так и добрые. Его нельзя было уничтожать, иначе бы пострадали дорогие ей люди, но и выпускать – слишком опасно. Иногда этот человек все же выходил из своей комнаты, надрывал все блоки и заклинания, и тогда с той стороны случались извержения энергий. Архелии подобное не грозило болезнью, а вот обычным людям, живущим здесь, – да.

– Снова бушуешь? — тихо обратилась она к тому, кто находился внутри, и нехотя перевела взгляд на кустистые черные тучи над крышей, стягивающиеся в сверкающую молнией воронку. — Успокойся. Тебе не суждено стать полноценной. Я этого не допущу.

В который раз за эти многие долгие годы, проведенные в местных Балашках, Архелия возвела руки к небу и стала тихонько петь. Мелодия и слова больше походили на колыбельную, нежели на заклинание. А женщина, раскачиваясь в такт своей песне, с улыбкой и нежностью мысленно убаюкивала опасного жителя замка. Ее длинные волнистые волосы в ритм движениям развевались за спиной, и черные тучи, словно повинувшись их магии ветра, медленно расползались в стороны. Уже спустя минуту воронка стала почти незамет-

ной, а Архелия устало вздохнула.

— Поспи в этот раз подольше, ладно?.. — прошептала она, с тоскою глядя на замок.

Обычно, то существо внутри проживало в спячке два или три месяца, затем, очнувшись, начинало искать то, что помогло бы ему стать цельным.

И все-таки женщина не осталась удовлетворенной своей работой: что-то было не так, слишком (слишком!) тревожно на душе.

Стараясь хоть немного успокоиться, Архелия с живостью устремилась к своему дому, на пороге обернулась к замку, проверяя, действительно ли все получилось, после чего наконец зашла внутрь. Раньше женщина любила тишину, теперь же она настораживала своей пустотой, а ее любимый маленький дом перестал быть уютным.

С тяжелым вздохом Архелия направилась в небольшой зал. Пытаясь нарушить устоявшийся звон тиши, включила свой старенький телевизор и, укутавшись в теплую шаль, заняла любимое потертое кресло. Так стало немного спокойнее, но всего лишь на несколько минут. Уже вскоре женщина уставилась куда-то сквозь экран, на котором мельтешили цветные картинки, размышляя о том, что творится вокруг, вспоминая свое прошлое, такое далекое, до краев наполненное и хорошим, и плохим. Она думала о своей жизни, на самом деле долгой и насыщенной; о детях, которые продолжали о ней заботиться; о внуках, особенно внучке Жене, кото-

рая каждые школьные каникулы приезжала навестить любимую бабушку; и о даре предвидения, коим давно уже не пользовалась, не желая попусту тратить свои силы.

Привычно доверяя интуиции, никогда ее прежде не подводившей, впервые за последние годы Архелия все-таки решилась заглянуть в далекое будущее. Ее снова интересовала судьба Жени, ведь в прошлый раз, когда она переносила свой разум на многие годы вперед, встретила препятствие – не смогла увидеть девочку взрослой. Подобное означало лишь одно – ребенок не дожил до этого времени. Много было принято мер, чтобы Женя прошла через тот переломный момент. Сейчас ей минуло шестнадцать, и все опасения остались позади. Но Архелию не покидало плохое предчувствие. Успокаивая саму себя, она и хотела снова узнать ее судьбу, взглянуть на нее взрослую, на ее мужа и детей.

Усевшись поудобнее, женщина плавно закрыла глаза, уладила свое частое сердцебиение и замедлила дыхание, погружаясь все глубже на дно своего сознания, поглощенного непроницаемой тьмой. Поддаваясь шестому чувству, Архелия не стала выбирать конкретную дату или высказывать намерение увидеть Женю в роли матери или просто жены: высшие силы сами умели направлять именно туда, где произойдет что-то значительное.

Медленно, причиняя еле заметную боль голове, темный экран сознания начал светлеть, превращаясь в нечеткие картины будущего. А затем образы стали возникать один за дру-

гим, неожиданно и рвано, заставляя сердце снова стучать быстрее.

Десятки... нет, сотни или даже тысячи тел убитых жителей Гвадаара. Все они лежали на вздыбленной земле, смешанной с почерневшей кровью и останками погибших здесь существ. Раздавленные камнями, истыканные стрелами, разорванные враждебной магией... В этом видении не осталось ни одного живого создания...

Новое перемещение в пространстве и времени: оглушительные взрывы где-то вблизи на секунду вынудили провидицу остановиться, собрать помутневший образ в качественное изображение. Пусть сейчас все это и не было реальным для Архелии, оно все равно воздействовало не только на сознание, но и на все органы ее чувств.

Еще один скачок куда-то дальше все по такой же пугающей местности: где-то за Поющим лесом, теперь превратившимся в гигантский факел, всё еще кто-то сражался. Огня было так много, что провидица могла почувствовать его рвение и страсть, с которыми он жадно пожирал деревья, вдохнуть полной грудью обжигающий легкие жар. Зловонный горький дым тяжелыми тучами возносился к почерневшему небу и, как по реке, расплывался во все стороны. Всё вокруг было поражено страшной войной, даже крепость вдалеке, многие годы простоявшая за Поющим лесом...

Немыслимо жутко становилось от этих картин. Архелии не дано было знать, когда это все произойдет, из-за чего

или по чьей вине. Бесполезно спрашивать подобное у времени, оно не располагает всеми ответами. Да и сейчас ее силы не хватило бы на большее.

Двигаясь вперед, переходя из одного временного промежутка в другой, Архелия искала ту, из-за которой ей показали эти картины, искренне надеясь не увидеть ее среди погибших, но понимая, что такое вполне возможно.

Ямы и рытвины, кровь и останки, все ближе к полуразрушенной крепости, туда, куда влекло подсознание. И здесь, почти у самых ее стен, взгляд невольно наткнулся на тело юной девушки. Слишком молодой, слишком бледной, слишком неживой, но такой спокойной, будто она уснула с открытыми глазами, взирая на бескрайнее, теперь уже темное, пугающее небо. Запятнанная кровью одежда, израненное тело... Уснула и не проснулась, даже не почувствовав боли... Словно для нее просто остановилось время...

Архелия увидела достаточно. Связь с будущим немедленно разорвалась.

Значит, все усилия были тщетными: мирная смерть в детстве из прошлого видения превратилась в жуткую и кровавую теперь. Принятое в тот раз решение – оградить ребенка от Гвадаара – являлось все-таки неверным. Да, он говорил об этом, Архелия же просто не поверила, но Фэно оказался прав, и сейчас был только один способ исправить свою ошибку.

Долгие несколько минут провидица смотрела остекле-

невшим взглядом перед собой, соглашаясь с тем, что когда-то ей поведал сбежавший последователь Гирибна: Евгению не оставят в покое, не дадут жить нормальной жизнью, не позволят жить вообще.

– Тогда, – прошептала Архелия, зная, что Фэно ее слышит: он всегда крутился где-то поблизости, – я сама спасу ее, приведу к самому началу и дам ей силу. Она исполнит мою последнюю волю и спасет не только Гвадаар, но и себя. Просто помоги мне! И всё получится. Обязательно...

«И начнется все уже скоро: как только та, что спит в недрах замка, наконец очнется».

Вновь закрытые глаза, чуть медленнее дыхание. Теперь у нее не было другого выбора, только так можно изменить будущее, а за свои ошибки необходимо платить. И платить равноценно: жизнь за жизнь, и никак иначе, закон равновесия не жалуется нарушителей.

С пересохших, немного потрескавшихся губ слетел первый звук, едва слышный, неразборчивый. Вторя ему, замигала одноглазая люстра, заискрилась от напряжения. Телевизор, срываясь на помехи, отразил в своем ярком свете бледный силуэт за спиной провидицы. Дух, пришедший на ее зов, был терпелив, не настаивал, не торопил. Всему свое время.

Все реже помехи, уже просто белый шум, звучанием равнодушия окруживший всю комнату, лампочка стихла, вспыхнув и зазвенев стеклом. Силуэт дождался, безразлично положил на плечо женщины ладонь, помогая ей не исчез-

нуть. Ему неважны были ее чувства и даже ее жизнь. Он просто выполнял ее просьбу.

Еще одно долгое, до боли бесконечное мгновение, и губы провидицы тронула безмятежная улыбка. Теплые подрагивающие руки избавились от мешавшего напряжения и спокойно легли на колени, будто все наладилось и не было того жуткого видения. Потяжелевшая голова слегка качнулась вперед, опустилась на грудь, зашелестев потускневшими волосами по плечам. А сердце – громко, надрывно, словно умоляя ее передумать, ударило с силой еще один раз, но, поддаваясь решению Архелии, успокоилось, тихо и замедленно произвело еще один бесполезный стук и остановилось совсем.

В ярком свете монитора, серебряном и плотном, как стена, теперь отразились два бледных силуэта, жалкие остатки энергии в прошлом живых созданий, все еще способных на свершения...

1 глава.

Четыре месяца спустя

*Кто ты на деле? Вообще существуешь ли?
Двое в одном, потому нет и цельности...*

На границе миров

Тугая обволакивающая тьма и острая жалящая боль, не физическая, а где-то внутри, в самой душе – это первое, что я помню о той ночи. Не в силах что-либо сделать, сквозь приподнятые веки я наблюдала за тем, как от меня отделился человек. Словно бы он прошел насквозь, не причинив никакого вреда телу, но следом за этим я почувствовала себя одинокой и опустошенной. Тяжесть на сердце и комок в горле – все, что он мне оставил. Пугающе и странно быть свидетелем подобного зрелища и не понимать, происходит это на самом деле или же нет.

Отделившийся от моего тела юноша не исчез, не ушел, он остался стоять напротив и пристально смотрел на меня своими яркими черными глазами, будто подведенными карандашом. Его слишком твердый, прямой, жесткий взгляд заставлял чувствовать себя неудобно. Хотелось потупить взор, но по неизвестной мне причине, я не могла этого сделать или же опасалась. Я ощущала его враждебность, наблюда-

ла с настороженностью за каждым его движением. Казалось, что он вот-вот шагнет в мою сторону и, если коснется меня, то произойдет что-то плохое... Что-то, похожее на смерть.

Но он все стоял и стоял, заставляя тревожиться сильнее, и вскоре мое волнение переросло в напряженный, тяжелый страх, который, словно тени, подползал ко мне отовсюду, хватал за ноги, вынуждая отходить назад, все дальше от странного, замершего на месте человека.

А тишина лишь нагнетала эту атмосферу. Такая тишина, которая являет собой пустоту, будто бы это место вообще никогда не слышало ни единого звука. И этот, дополняющий картину безмолвия юноша просто продолжал на меня смотреть немного с завистью и толикой злости. И что странно: где-то в глубине души я признавала его как часть себя, ту самую, что я часто в себе подавляла, а сейчас она вырвалась на свободу. Должно быть, именно поэтому я ожидала от своего второго «я» каких-то действий, открытой агрессии, нападения. Только юноша не торопился делать что-то подобное, отчего напряжение ощущалось уже кожей.

Ну почему ничего не происходит? Хоть что-нибудь!..

Словно исполнив мою мысленную просьбу, он резко, очень быстро сделал шаг вперед. Это послужило спусковым крючком. Я больше не могла находиться здесь, рядом с ним. Слишком жутко и... опасно. Тело само круто развернулось. Я помчалась прочь, желая поскорее покинуть это место.

Не знаю, как долго я бежала, пару раз споткнулась, упала,

но все это время чувствовала спиной взгляд того юноши, похоже, он гнался за мной, и я боялась, что, даже обернувшись посмотреть, так ли это на самом деле, замедлюсь. Потому со всех ног неслась вперед, только дрожь в коленях мешала ускорить темп. А под кроссовками невозможно медленно утекала назад серая дорога, приобретающая такой цвет из-за толстого слоя пыли, укрывшего землю. И та, подобно клубам густого дыма, поднималась каждый раз, когда я наступала, обволакивая мои ноги, серыми волнами растекалась во все стороны и... струилась все выше, выше, выше, раскрашивая высокие здания, дотягивалась до неба, закрывая солнце, снова падала вниз пушистыми облаками.

Это невероятное представление нельзя было пропустить.

Я больше не чувствовала опасности, будто тот человек решил бросить свою затею меня догнать, поэтому остановилась, наблюдая за происходящим, а заодно позволяя себе немного отдышаться. Плавно перевела взгляд на закрытое дымчатым облаком солнце: темное пятно, лучи которого были не в силах пробиться сквозь завесу пыли. И с удивлением осознала, что это не совсем пыль, скорее, серый снег, хлопьями спускающийся с неба. Поражаясь причудам здешней природы, протянула руку и поймала одну «снежинку» забавной формы, похожую на пух. Она оказалась такой же теплой, мягкой и легкой.

Однако, несмотря на сказочность этого места, мне здесь не нравилось. Беззвучно. Мертво. Равнодушно. И пусто.

Не хотелось верить, что так выглядит настоящая реальность. Скорее сон, необычный и мне пока непонятный.

Думая, насколько же велика вероятность того, что все это мне приснилось, я слегка подула на ладонь, проследила взглядом за «снежинкой», нехотя полетевшей дальше, и вздрогнула от неожиданности, увидев перед собой серую машину и сидящего на ее крыше человека, стопами упирающегося в капот. На секунду я испугалась, что это тот самый юноша, что покинул мое тело, но, присмотревшись, поняла, что ошиблась.

Этот не имел цвета, отличного от всего мира или от самой машины, и периодически сливался с ней, обманывая мое зрение, только его печальные чуть блестящие глаза и едва заметная улыбка не давали сомневаться, что он реален, живой и пристально следит за мной. Так же внимательно я глядела на него, пытаюсь понять, что не так. И дело не в серости мира или в появлении этого человека... Я уже видела его раньше. Только когда и где? И почему не получается вспомнить?..

Прерывая мои мысли, справа от меня едва заметно упало нечто маленькое и темное, точнее, темнее, чем все остальное, тут же потерялось из виду, утонув в толстом слое пыли и издав короткий, но слышный шорох. Затем звук повторился вновь, только уже дальше.

С настороженностью отвела взгляд от серого мягкого снега и обратила внимание на источник внезапного шума. Серд-

це гулко ударило в грудь, отвечая на увиденное. Со всех сторон ко мне подходили люди, много людей, таких же серых, мрачных, даже каменных, как весь этот придуманный мною мир. Они шли медленно, неуклюже, волоча свои ноги и поднимая облака пыли. Жуткие, с пустыми глазницами и покорженными телами. Все они были уже мертвы, но еще двигались. Ко мне...

Надо уходить. Надо немедленно покинуть это место!..

Даже два шага назад я сделала, приложив немалые усилия. Снова начинала бить мелкая дрожь, срывая спокойное дыхание. Тело и разум переставали слушаться, заставляя проваливаться куда-то вниз, в тугую темную пустоту, где не правит мое сознание. И все же, цепляясь за абсурдность серости этого мира, я взглянула на парня, оседлавшего машину. Я искала у него помощи, ведь он был живым, отличался от этих тварей, что шли на нас. Только яркие глаза молодого человека больше не казались мне печальными, они стали холодными, тусклыми, безразличными... И проникали куда-то вглубь меня, вынуждая бояться их хозяина. Я чувствовала, что он опасен. Опаснее того юноши или мертвецов. И возможно, именно этот человек управлял всеми ими.

Словно в ответ на мои раздумья, парень вдруг пожал плечами, а затем улыбнулся шире. Только милая улыбка не придала тепла его глазам, наоборот: он стал выглядеть кровожадно и безумно, отчего живот скрутило от страха, и, подобно раскату грома, в голове мягким мужским голосом прозвуч-

чало: «Беги!».

И я побежала. Быстро, размашисто, до колик в боку. Я не слышала и не видела своих преследователей, однако остановиться не могла. Страх к этой минуте перерос уже в дикий ужас, лишивший меня рассудка. Я неслась со всех ног и лишь из-за одышки не могла кричать, а мимо ненормально медленно отплывали назад частные домики с покатыми крышами.

Заметив единственные здесь открытые двери в какое-то большое здание, залетела внутрь, рванула по голому коридору, залезла в лифт, где дрожащими пальцами нетерпеливо нажала на кнопку несколько раз. Металлическая решетка со скрежетом, раздирающим уши, закрыла мне путь к отступлению, и лифт, задрожав, по-тихому урча, направился вверх.

Судорожно всхлипывая, я согнулась пополам и села на такой же пыльный, как и весь этот город, пол. От напряжения болели и ноги, и руки. Где-то под грудью что-то сжималось и разжималось, выталкивая воздух из легких. А в горле застыл неприятный холодок, будто кто-то душил меня сильной невидимой рукой.

– Это ведь сон... Это просто сон... – повторяла я вслух, не слыша собственного голоса: один скупой хрип срывался с пересохших губ. – Это ведь...

С глухим ударом обо что-то лифт замер. Решетчатые двери с еще большим лязгом открыли мне вид на серый голый

коридор с одной дверью по левой стороне и арочным окном чуть дальше. Радости от того, что людей здесь не было, я не ощутила. Сейчас я могла чувствовать только страх, отчего сердце в бешеном ритме плясало в груди, отбивая по легким безумную чечетку. Оно стучало настолько громко, что кроме этих ударов я ничего не слышала. И только спустя очень долгое мгновение поняла, что в ритм сердцу откуда-то снизу раздавались гулкие постукивания по металлу.

Снизу... Неужели... подо мной?!

Не дожидаясь, когда нечто прорвется сквозь крепкое днище лифта, я сорвалась с места и бросилась вперед. Ноги, хочу отдать им должное, выполняли свою функцию послушно и без дрожи. Видимо, инстинкт самосохранения таки взял верх над страхом. Куда меня несло? Конечно же, к единственной в коридоре двери. Другого-то выбора не было.

Резко остановилась, дернула на себя изогнутую ручку и открыла неподатливую дверь. Оторопела, так и не сделав шаг дальше. В центре небольшой комнаты стоял длинный стол, над которым склонились все такие же серые люди, но измазанные темно-красной, почти что черной, кровью, держу пари – не своей. Обернувшись на шум, они немного выпрямились, и мой желудок снова скрутило в судорогах при одном только взгляде на кровавое месиво, ошметками разбросанное по столу. Что-то подсказывало мне, что некогда это было человеком.

Не собираясь еще больше тревожить людоедов во время

трапезы, поджав губы, я медленно попятилась назад. Кажется, эти твари реагировали только на звуки, поэтому я постаралась шагать как можно тише и почти не дышать.

Тогда же, разрывая напряженное безмолвие, со стороны лифта раздался до одури громкий удар, взбудораживший окровавленных уродов. Мое сердце хлестко и больно стукнулось о грудь, оторвалось с уколом по ребрам и бахнулось куда-то в легкие. С диким воплем я стартанула дальше по коридору к округлому окну – моему последнему шансу на спасение. Ни секунды не раздумывая, выставив правое плечо вперед, протаранила его собой и прыгнула.

Со звоном стекло разбилось и выпустило меня на улицу, после чего градом осколков осыпалось на землю вместе со мной. Асфальт оказался прочным лишь во время удара об него всем телом, а затем, влипнув в него ногами, я поняла, что он влажный и горячий, словно его только что уложили.

Не в состоянии встать, приподнялась на локтях... Снова та серая улица и все эти люди, плотоядно смотрящие на меня.

Проснись же... Пожалуйста... Проснись!

Неуклюже передвигаясь и чвакая телами, кровожадные твари потащили свои изуродованные туши ко мне. Верно, я создала слишком много шума. Еще раз попыталась встать, но лишь сильнее увязла в расплавленном асфальте, не желавшем отпускать свою добычу. Хотелось кричать от ужаса, и все же, когда звук почти сорвался с моих губ, я вспомнила,

что людоеды реагируют на шум. Зажав себе ладонями рот, тихонечко пискнула, чувствуя, что скоро не смогу сдерживать нарастающую истерику.

Это просто сон. Просто сон. Просто...

Зажмурилась и всеми силами постаралась представить, что я сейчас в другом месте. Первый образ, что пришел в мою голову – Балашки, лес вокруг деревни, в который я часто убегала, когда приезжала к бабушке на каникулах. Однако я все равно продолжала слышать шаги этих нелюдей, значит, управиться со своим сном не получилось. К тому же я вновь начинала поддаваться страху, это грозило мне очередным провалом в бессознательность и продолжением кошмарного безумия, что пришел этой ночью в мою голову.

Но в тот момент, когда я уже готова была сдаться, принять этот чертов сон со всеми его последствиями, например, крик среди ночи на весь дом, сверху послышался звон битого стекла. Я распахнула глаза от неожиданной громкости и натуральности сего звука. Волна отчаяния захлестнула с головой. Я боялась ту тварь, что должна была упасть прямо на меня... До остановки сердца боялась, хотя и не знала, что это за существо...

И вдруг время словно остановилось.

Перед глазами стал расплываться окружающий мир. Как в замедленной съемке я потянулась за осколком стекла, лежащим рядом. Так же неторопливо сжала его до крови в ладони и затем полоснула по вене на левой руке.

Сильной струей кровь выбилась на поверхность, заливая асфальт и превращая серость вокруг меня в красное море. Всё тело потяжелело от навалившейся вмиг усталости. Я расслабилась и упала на спину, больно ударившись затылком и, кажется, на считанные секунды потеряв сознание.

Всё стихло довольно резко.

Я даже подумала, что эта тишина вызвана возникшей проблемой со слухом, однако легкий ветерок, коснувшийся моего лица, улетел дальше, зашуршав чем-то поблизости.

Интуиция подсказывала мне, что я больше не в том сером квартале, но открыть глаза все еще боялась. Распластавшись на мягкой уютной земле, нащупала что-то правой рукой, сжала это и дернула к себе, а затем осторожно поднесла к лицу вырванный предмет. Лишь после этого нерешительно открыла глаза и увидела, что почему-то потемневшие пальцы сжимают пучок зеленой травы на фоне яркого голубого неба. С удивлением перевела взгляд на пышные, меховые облака, медленно плывущие по этой бескрайней реке, и растерянно хмыкнула.

Всё еще сплю, что ли?

Чувствуя себя в наивысшей степени психом, опустила руку на грудь, снова зажмурилась и сделала глубокий вдох.

Реальность запаха от хвойного леса и травы превышала все нормы когда-либо виденных мной сновидений. Я любила этот запах, он меня успокаивал. Каждый раз, когда я ссорилась со своим двоюродным братом Димой, одно время жив-

шим в Балашках, или с другой своей родней, я убежала в лес. Высокий, точно касающийся верхушками самого неба; древний – многие деревья срослись друг с другом, образуя настоящий лабиринт; и спокойный – один только шум листвы и редкое перешептывание птиц. Здесь было так же хорошо и уютно, как в «моем» лесу. Настолько, что мне безумно захотелось улечься поудобнее и заснуть. Удивительные ощущения мира, счастья, благополучия...

Однако в голове всё еще летала и, как муха, билась о стенки моего сознания тревожная мысль: «Как ты можешь спать во сне?». Так и хотелось сказать ей в ответ: «Да уйди ты!» – и прихлопнуть назойливое насекомое. Вот только всё во мне постепенно поддавалось власти этого наваждения, и вскоре я снова открыла глаза.

Ничего не изменилось: небо так же парило надо мной, солнце неприятно слепило глаза и пушистые облака складывались в образы причудливых животных.

– Я спятила, – самокритично сделав вывод, медленно села, придерживая руками тяжелую голову. – Ну и что дальше?

Отвечая на пришедшую мысль, решила осмотреться: по всему кругу – я сидела посреди заросшей невысокой травой поляны – стояли гигантские хвойные деревья, прижавшиеся друг к дружке и пестрящие многими оттенками зеленого – от самого светлого до почти что черного. А единственным существенным отличием части леса, которая находилась прямо передо мной, – был корявый почерневший

пень...

– И ни единой души поблизости, хотя... – я поморщилась, припомнив, что мне снилось еще несколько минут назад, и по телу пробежала легкая волна дрожи, то ли это из-за ветра, проскользнувшего мимо. – Уж лучше просто лес.

Осторожно поднялась, затем выпрямилась. В тот же момент все вокруг потемнело. Я качнулась в сторону, голова мгновенно стала еще тяжелее и потянула к земле. Каким-то чудом я умудрилась восстановить равновесие. Правда, мир перед глазами всё еще куда-то плыл и казался мутным, так что, упершись ладонями в колени, я уставилась себе под ноги, рассматривая зеленую мелкую травку и покатый камешек. Выглядело всё довольно реалистично.

Странно увидеть настолько четкие детали во сне. Может, ущипнуть себя?

Не жалея сил, я сжала пальцы на левом плече. Уже через секунду застонав от боли, прошипела несколько ругательств в свой адрес и, мысленно проклиная все бредовые идеи, приходящие в мою голову, тяжело вздохнула.

И поверить не поверила в реальность происходящего, и плечо теперь ноет, синяк себе, небось, поставила.

– Вот что за?.. – мысль прервалась еще на середине.

Я замерла и прислушалась к окружающему миру. Вокруг царило удивительное безмолвие, поэтому любой, даже самый тихий звук, вызывал диссонансные ощущения и усиливался многократно.

Шорох? Нет, шарканье. Кто-то очень шумно шел, похоже продираясь сюда сквозь заросли...

А вдруг это снова те твари?..

Страх мгновенно вытеснил мое недолгое спокойствие. Я была так рада, что сбежала из того серого мира и от тех кроважидных людей, а теперь всё по второму кругу?!

Только не это! Пожалуйста!

Всем сердцем желая проснуться, сложила руки в молитве и подождала несколько секунд, мысленно прося у неба помощи: только без толку.

Надо срочно уходить, иначе...

Стоп. А что случится-то? Почему так страшно? Это ведь сон, верно? Я же могу им управлять. Могу! А-а-а!.. Может, и сон, а спрятаться не помешало бы!

Закрутилась на месте, ища себе убежище, да только всё вокруг было одинаковым, а я даже определить не могла, откуда ко мне шел человек. Плюнула на это занятие, повинувшись шестому чувству, рванула влево, и, как назло, мне под ногу попался камень. Качнулась вперед, по инерции сделала несколько шагов и с трудом удержала равновесие. Только после этого тихонько ругнулась на свою неуклюжесть, а шум резко стих.

Замерла, боясь пошевелиться. Эти твари реагируют на звуки, значит...

– Эй, юноша? – прозвучал за моей спиной тихий, немного хриплый голос.

Сказать, что не ожидала оклика, ничего не сказать. Сердце еще раз громко стукнулось о грудь и стало плавно замедлять свой ритм. По крайней мере, сейчас ко мне обратились, как к человеку, а не кидаются, чтобы загрызть. Невежливо игнорировать людей, даже если это сон.

Осторожно, все еще чувствуя напряжение в каждой мышце своего тела, я обернулась.

Тяжело ступая, опираясь на трость и прихрамывая на правую ногу, ко мне шел... дедушка. Правда, таких я никогда в своей жизни не видела. Он человек вообще?..

Борода серая и длинная, почти до самой травы, такие же волосы, свободно лежащие на согнутой спине, того же цвета платье до пят и в тон ему прищуренные блестящие глаза. Кожа на лице покрыта какими-то пятнами, кажется, просто в грязи, да и платье у него было измазано, а еще, этот леший улыбался мне, судя по морщинкам у глаз и горбатого носа, только губы напрочь заросли усами.

И откуда он тут, посреди леса? Хотя, наверное, сейчас дедуля подобным образом мыслил и обо мне. И все-таки, самое главное, что на тех зомбаков он не смахивал.

Так, надо же ответить, верно? Заодно спросить, где я и что происходит?

– Вы мне? – запоздало поинтересовалась я, настороженно следя за каждым его движением.

– А разве здесь ещё кто-то есть? – ответил дед, шевеля бородой и смотря на меня спокойными серыми глазами.

Логично, но все-таки это лес. Мало ли, вдруг поблизости кто-то грибы собирает. Я даже обернулась назад, бегло огляделась. Ко мне значит, тогда... Стоп. Разве он не назвал меня юношей? И все равно ко мне обращается? С чего это?

С беспокойством покосилась на свои руки: черные, прямо смольные, кожаные перчатки. Какого черта? Откуда они взялись?

Перевела взгляд на ноги: сапоги того же цвета почти до колен с двумя ремешками – один на щиколотках вокруг сапога, другой выше сантиметров на десять. Интересные изделия, явно в моем вкусе, но в реальной жизни подобных у меня не было. Чуть светлее из теплой ткани заправленные в сапоги штаны, с большими карманами по бокам чуть выше коленей...

Откуда это на мне?!

И толстовка темно-серая на молнии. Seriously, такого в моем гардеробе точно нет. Да еще настолько широкая, ткань толстая, что грудь не увидишь, а внутри капюшона мех очень нежный. Судя по ощущениям, он и внутри всей кофты находился, и в карманах огромных. Но жарко не было.

Впрочем, наряд мой мне понравился, вот только... Почему дед решил, что я парень? Подумаешь, грудь незаметна. Или... может... девушки тут в одиночку не бродят? Да в лес вообще лучше самому не ходить! Однако что, если я, правда, стала парнем? Это же сон, всякое может случиться...

Потрогать себя? Буду выглядеть ещё глупее. Коснусь ли-

ца – это не вызовет больших подозрений.

Не особо волнуясь, подняла руку, дотронулась... А-а? Что это? Где мое лицо?!

Перчатка с противным звуком скользнула по маске, даже не достигнув кожи. Попыталась найти, где бы зацепиться, но краев у нее не обнаружила. Только щели для глаз, и все! Но почему я нормально вижу?! Будто ее вообще нет! Что происходит, черт возьми?!

Схватилась в панике за голову, тут же наткнулась пальцами на резинку: волосы были убраны в хвост. Уже чувствуя дрожь во всем теле, осторожно перетянула их к себе – черные. Я же шатенка... И почему такие длинные?! Ого, до пояса! Может, я уменьшилась? Вроде нет. Или я сейчас?... А ну-ка стоп... Как выглядел тот мальчик из прошлого сна, что от меня отделился?..

– Парень, с тобой всё в порядке?

Вздрагнула от оклика. Я совсем забыла про старика. Взглянула на него: он обеими руками оперся на трость и с интересом разглядывал меня, ожидая моих слов, но, пытаясь привести мысли в порядок, я промолчала в ответ. Просто не смогла бы сейчас выдать из себя хоть звук.

Тихо. Успокойся. Это всего лишь очередной кошмар, пусть и невероятно реальный. Помнишь, как тебе снился черный замок с множеством комнат, где сами по себе загорались костры? Там тоже кто-то за тобой гнался, но ты ведь смогла выбраться? Смогла!.. Вот и славно. Стань наблюдате-

лем и с широченной улыбкой посмотри опасности в лицо...

Да, я смогу! Ты-то?! А что ты делала в прошлом сне?! Только убегала!..

Что за?..

Схожу с ума. Не иначе.

Фу-у-ух...

Так, ладно, чего мне бояться именно тут? Повсюду обычный лес, а дед вроде без рогов и копыт и не пытается меня убить. Да и что он может?! Даже с палочкой ходит! В конце концов, я удеру в лес, он и догнать не сумеет.

Так что возьми себя в руки и поучаствуй в игре своего беспокойного воображения!

Да!

Приняла как можно более спокойный вид, убрала руки в карманы толстовки, сделала глубокий вдох, чтобы расслабиться, и только после этого уверенно произнесла:

– Да, всё хорошо.

Голос вроде тоже мой...

Сказать, что дед ошибся, и я девушка? Почему-то страшно. Да я вообще в диком ужасе! Плевать на него! Пусть думает, что хочет. Может, так даже лучше.

– Скажи, – после короткой передышки обратился ко мне старик, зачем-то подходя еще ближе. Стукнул тростью по камню, из-за которого я чуть не грохнулась, и раздался глухой, твердый, настоящий звук. – Ты случаем не знаешь, какая из троп ведет к заставе? – Остановился в шаге от меня.

Понимая, что не очень тактично будет с моей стороны взять и отойти, я с недовольством уставилась на горбатого старца, видимо, желающего получше меня слышать. Вспомнив о его вопросе, снова огляделась: надо же, и правда, две тропинки, почти наглухо заросшие травой. Немудрено, что я их не заметила. Одна прямо вела, другая – влево, и обе куда-то вглубь леса.

– Простите, дедушка, не знаю, – качнула я головой и опять вернула свое внимание к странному персонажу, созданному моим воображением.

Удивительно было осознавать все происходящее настолько четко: таких ярких и натуральных снов я прежде никогда не видела. Однако же, меня озадачило появление старика. Я была уверена, что раньше его не встречала. Он действительно выдуман мною? Как-то страшно о таком спрашивать. Да и странный он какой-то. Заблудился, что ли? Хотя... почему нет? Может, и заблудился. Потому, наверное, ищет заставу. Военные должны подсказать направление.

– А сам дорогу куда держишь? – любопытствовал старик, протянул вдруг пальцы к моей руке, уцепился за рукав и резко дернул вниз, да с такой силой, что с трудом удержавшись на ногах, я вынужденно наклонилась и оказалась лицом к лицу со своим новым знакомым, от которого разило... перегаром?

Боясь пошевелиться, вгляделась в его спокойные серые глаза, изучающие меня. Даже дыхание задержала. А он про-

сто смотрел и смотрел, совсем не моргая.

– Да вот... не знаю, – неуверенно призналась я, начиная придумывать план побега. Странный дедуля, еще и сильный. Уже сомневаюсь, что смогу от него удрать.

– Ты не из Бала́шек случаем? – удивленно спросил он и, отпустив мой рукав, толкнул в плечо.

Я невольно попятилась назад, размахивая руками и с изумлением глядя на старика. Нет, я не родилась в Бала́шках, но у меня там жила бабушка, поэтому... Стоп. Лес! Этот лес... неужели около деревни? Но разве он был настолько огромен?

Я завертелась на месте, пытаюсь понять, те ли это деревья, что росли в том краю, только все равно не смогла узнать местность. Да и, может, эта часть леса мне и вовсе незнакома...

Как же бесит-то все! Сейчас в лоб спрошу, кто этот дед такой и где мы есть! И только я открыла рот, как старик первым задал вопрос:

– Как звать? Почему маленький такой?

Я прямо оторопела. Как-то нагло в такой манере интересоваться моим ростом. Сам-то ниже меня.

– Мало каши ел, – буркнула я тихо и раздраженно, но дед расслышал, правда, не совсем точно.

– Амака́ши? – повторил он за мной. Хах, еще и обзывается! – Хорошее имя, – быстро ответил старый сам себе, снова не дав мне и рта раскрыть. С чего оно хорошее? Сам же его

только что придумал! – А рода какого, племени?

Да он издевается, что ли?!

– Мумба-юмба, – неволью со злостью выдохнула я, потирая виски.

Нервы-то не железные, все вокруг и пугало, и злило до безумия. Еще и голова болела от удара о землю. Да разве ж во сне такое бывает?

– Мумб Юн?! – почему-то охнув, переспросил глуховатый старик, и я нехотя кивнула: Мумб Юн так Мумб Юн, кому от этого легче? – А здесь ты чего забыл? – продолжил выпытывать назойливый старик, хорошо хоть не приближаясь ко мне.

– Погулять решил! – уже в полный голос отрезала я, желая, чтоб дед отвязался. У меня тут в голове черти что творится, с мыслями собраться пытаюсь, а он мешает!

Старикашка вдруг вытаращил на меня глаза, словно что-то страшное увидел – я и не думала, что они у него могут быть такими большими – и хрипло прошептал:

– Нашел, где гулять. Граница же совсем близко.

Приехали блин, что еще за граница?!

– Извините, но...

Я замолчала, внезапно почувствовав дрожь земли, с опаской взглянула на деда: он тоже ощутил это своими тремя ногами и теперь рассматривал траву.

Снова завертелась на месте, пытаюсь увидеть хоть что-то кроме деревьев, но лес был слишком густой...

Резкий металлический звук: круто развернулась вправо, прислушалась. Много шума, топот, идут очень быстро, металл, скрежет, удары... Мотнула головой и вернулась к деду. Заметила его изучающий взгляд.

– Ты слышал чего?

Надо же, какой внимательный, ничего от него не укроется.

– Угу, – промычала я, чувствуя легкое головокружение, – чьи-то шаги.

Почему так передернуло? Почему чьи-то? Там же люди, много людей, вот и всё. Или не людей?! Прошлый сон ведь не вернется, а? Да и где эти некто, которых я слышу? Вроде же нет никого. Или они в лесу прячутся? Зачем? А может, я почти проснулась? Вдруг это Мишка по дому носится?..

Внезапный, пряный запах, как от черного перца, ударил прямо в лицо. Я закашлялась, не в силах нормально дышать. На мгновение перед глазами потемнело, все тело стало тяжелым, неподвижным, словно не моим, но с трудом я все же глубоко вдохнула, радуясь, что тьма вокруг начинает рассеиваться.

Что это? И почему так неудобно правой руке? Старик?! Почему он на мне висит? Тянет. Куда? Вижу, что раскрывается его рот, но не слышу и звука. Ну-ка, ну-ка, перестроилась на его волну...

Ах, ты! Что ж ты так орешь-то?!

– Скорей! Идем! Скорей! – и тычет тростью перед собой.

Ну раз надо – идем.

Действительно пошла за ним следом. Хах, какой прыткий, он мне еще и фору даст, когда надумаю от него убежать.

Вышли на тропинку, ведущую прямо, и я мгновенно отключилась.

Пустота...

Вновь звук металла. Вокруг лес, но темнее, деревья больше, выше и плотнее стоят, а возле стволов... булькающая вода, покрытая зеленым мхом? Болото?.. И этот запах... наверное, от листвы деревьев и прочей зелени. Присмотрелась получше. Что это? Что-то между деревьев. Громадные... Кто они?..

Одно из ближайших деревьев с хрустом накренилось, а затем, цепляя ветками товарищей и вызывая дрожь земли, с грохотом повалилось в болото, подняло настоящий фонтан из брызг. По сверженному великану проехала здоровенная, накрытая пологом повозка. Сама, что ли, едет?.. Или же... Сбоку! Там люди! Хотя...

Нет, вовсе не люди! Что это за твари?!

Огромные, медленные из-за того, что их ноги находились наполовину в листве и воде. Красные глаза, будто маленькие лампочки, излучали свет, позволяя мне различить темно-зеленую, словно крокодилию, кожу. Следом за повозкой и этими существами шел жуткий и уродливый прямоходящий ящер, одетый в красные одежды. Разве что челюсть человеческая, и хвоста я не заметила. Если и есть, то, скорее всего, просто скрыт болотом. А за ним где-то вдалеке слы-

шался треск ломаемых деревьев и новые удары об воду.

Их же здесь целое войско...

Я точно сплю! Потому что в реальной жизни такого...

Куда это он посмотрел? Остановился. Зарычал. Принюхался своим носом, больше похожим лишь на две ноздри, и взглянул... на меня?!

– Мы вас не тр-р-ронем! Идите.

А? Это он мне сказал?..

ГУХ-ГУХ-ГУХ!..

Что это? Эй, вы куда?..

Но картинка в ответ лишь вновь померкла и сменилась тьмой, пряча от меня этих существ.

ГУХ-ГУХ-ГУХ!..

Это что, мое сердце?! Так громко? Прямо в голове стучит. Плохо... Больно... В горле словно пробка застряла. Не могу дышать. Почему?!

Воздуха мне, воздуха!..

Резко вдохнула. Легкие будто свело судорогой. Как же больно-то! Черт, словно связку ножей проглотила. Дышать тяжело... Ну же!.. Еще один вдох!.. Сложилась пополам, чувствуя раздирающую боль где-то под ребрами. Голова закружилась пуще прежнего, теперь перед глазами то темнело, то светлело, и снова начинало тошнить.

Мир, остановись. Остановись, пожалуйста. Сейчас же наружу вывернет.

Решительно сжала кулаки, распрямилась под клокотание

в груди и открыла глаза. Рядышком все еще стоял дед, кажется, он проверял мой пульс. В его взгляде читалось искреннее беспокойство. А я... я в который уж раз валялась на земле, точнее, на узкой тропе между деревьями.

– Внучок, ты как? – поинтересовался старик, вглядываясь в мое лицо. Только что он увидеть-то мог?

– Й-я-а-а ф-ф-фпа-а-аря-а-атке-э-э.

Какой «в порядке»?! Что у тебя с речью?! Ну-ка соберись!

Попыталась подняться. Старик решил мне посодействовать, чтобы я не упала. Да, он-то оказался более крепким, чем я. Кое-как удержала равновесие, и вроде больше не шатало. Только голова немного кружилась, да ноги были ватные. И все же, что произошло? Разве во сне такое бывает? И почему так темно?..

Тьфу ты, вот башка дурная!

Снова открыла глаза и увидела перед собой физиономию деда. Вцепился мне в руку, как клещ, да к себе прижал, чуть ли не повис на ней. Стоит, хлопает ресницами, выжидающе смотря на меня.

– В порядке, – с трудом, но четко выговорила я, вырывая свою левую из его объятий.

Меня снова качнуло, но падать я не собиралась. Лишь вокруг все уплывало куда-то в сторону и было в размытых красках, а в висках громко стучал отбойный молоток. Что за ужасное чувство?..

– Ты их слышишь? – осторожно спросил старик, явно ис-

пытывая желание дать деру. И почему до сих пор не смылся?

Посмотрела на него в легком недоумении, не совсем понимая, о ком он говорит. Если о тех тварях, то почему сам же себе не ответит? Он ведь слышал их? Или нет?..

– Они пропускают нас, – уже твердым голосом проговорила я, вспоминая тех образин.

Кто они? Что такое? И почему даже после этого я все еще не проснулась?..

Дед, облегченно вздохнув, немного расслабился, после чего с ужасом в глазах впился в меня взглядом. Отлично, теперь он переведет все стрелки на меня. Так что я, предупреждая его вопрос, поинтересовалась сама:

– Кто они?

Старик сделал от меня шаг назад, словно побаиваясь, и в ответ настороженно с паузой между словами спросил:

– Кто ты?

Удивленный, ошарашенный, он совсем не походил на дедулю. Было в нем что-то молодое, яркое, не подходящее образу.

Вопрос же его меня серьезно обеспокоил.

И правда, кто я?.. Казалось бы, так просто ответить, но не сейчас: в голове слишком сильно гудело. Я была не в состоянии думать и не хотела этого делать, ведь каждая мысль отзывалась монотонным шипением в ушах.

Проницательный дед, даже несмотря на маску, заметил мою растерянность и почему-то улыбнулся.

– Не волнуйся, всему свое время, – произнес он как-то уж очень мягко, по-доброму. – Сегодня великий день в моей жизни, – его глаза стали еще больше, а свою трость старик крепко прижал к груди. – Я наконец-то встретил прирожденного балáкши!..

2 глава. Беглец

*Я метаюсь в потемках где-то,
В уголках не своей души...*

*Гвадаар, восточная иллийская тюрьма
Красное озеро*

Будто неожиданно проснувшись, Дэш резко натянул поводья, проехав дальше, чем планировал, и лошади мгновенно остановились, при этом сильно встряхнув фургон, больше похожий на вместительный ящик, покрытый тканью.

— Эй, а потише никак? — раздался возмущенный мужской голос оттуда: подкинуло пленников неслабо.

— Заглохни, Мидорэль, — спокойно отозвался Рокк, сидящий рядом с Дэшем на козлах, и стукнул кулаком по стене для придания большей силы своему приказу.

Из повозки больше не донеслось и звука. Оно и правильно: не стоит прекословить хозяину, даже если раньше вы на одном корабле бороздили моря. Так, в повозке, все лучше, чем где-нибудь под килем до смерти нахлебаться воды.

Поправив свою красную бандану, повывавшую достаточно, чтобы снова выгореть и кое-где порваться, Рокк спрыгнул на землю, обошел лошадей, хлопнув одну из них по морде, и окинул взглядом местные красоты.

Красное озеро недаром называли красным, его камени-

стое дно обладало именно таким цветом, а прозрачная вода не препятствовала оптическому обману. И все бы ничего: здесь и правда было красиво, – но прямо посреди озера росла трехэтажная тюрьма, уродовавшая своим металлическим видом весь замечательный пейзаж.

Возвели ее именно здесь по ряду определенных причин.

Во-первых, это было закрытое высоким лесом место, куда не ступала, обычно, нога свободного человека, не имеющего должностную стражу или управляющего тюрьмой – утэ́гера, который охраняет самих заключенных, или охранника ворот – оэнгэ́ра, имеющего приказ убить любого беглеца, чтобы защитить народ от преступника.

Во-вторых, недалеко отсюда находилась граница с недружественным народом – хагацэ́нами, и, если что, местные гэ́ры – так называли любого, кто служил вершителю – успели бы сообщить о нападении и сдержать (это, конечно, вряд ли) вражеские войска.

А в-третьих, из-за того, что мало кто знал об этом озере, здесь часто торговали заключенными и поговаривали, что денежки шли и самому вершителю. Ну, это тоже маловероятно.

Один из стражей, что-то говоривший двум оэнгэ́рам у начала неширокого длинного моста, протянувшегося до самого тюремного здания, востропнулся и, нервно дернув головой, с живостью направился к прибывшим гостям, крепко пожал руку капитану Рокку.

– Где он? — спросил тот после секундного приветствия, не собираясь здесь долго задерживаться: вскоре он собирался выйти в океан, так что ему было некогда вести беседы.

– Тут такое дело, — криво улыбнулся утэгёр, и его взгляд судорожно забегал по окрестностям. — У нас возникли кое-какие...

– Где он?! — потребовал ответа капитан, не желая слышать отговорки.

Страж, решивший срубить за известного заключенного немало денег, лишь потупил взор и тихо произнес:

– Нет его.

Возникло затяжное напряженное молчание, за время которого Рокк смотрел на собеседника, подавляя желание прирезать того прямо здесь и сейчас. Но стоило бы померить пыл: тут все-таки тюрьма, и хватало охраны.

– Что произошло? — справившись с эмоциями, хрипло поинтересовался он. Хотя его фраза, произнесенная сквозь зубы, была больше похожа на скрытую угрозу, нежели на вопрос.

– Да все чудно́ как-то, — невесело усмехнулся утэгёр, пригладив нашивку на левом плече, изображающую решетку. — У нас тут разносчиком жрачки дедок один работает. Так вот принес он ему, значит, миску, а тот не шевелится, лежит трупом на полу. Вот дед и решил к нему заглянуть...

– Короче.

– Он срезал с него бороду и волосы, снял с него шмотки,

после чего, нарядившись, прошел мимо всех нас, — нехотя признался тот и от досады пнул камень, мирно лежащий под ногами.

– Идиоты, — сделал капитан вывод, который уж очень просился на язык.

– Да откуда нам было знать... — проскрежетал раздраженный страж, сжимая кулаки, но Рокк не дал ему выплеснуть весь негатив на себя.

– Ты хоть чем-нибудь меня порадуешь?

Возникла еще одна неприятная пауза. Теперь эти двое поменялись ролями: уже утэгер пытался сдержать свою злость, а капитан спокойно глядел на воду.

– Пошли, — почти что выплюнул страж и нервной походкой, будто у него не сгибались колени, двинулся обратно к мосту.

– Охраняй повозку, — бросил Рокк через плечо, обратившись к Дэшу, и последовал за провожатым.

Деревянный мостик под присмотром двух оэнгеров ровной дорожкой уходил к зданию. Громко ступая по нему сапогами, и страж, и капитан молча добрались до ворот, где еще один караул им спешно открыл.

Затхло и сыро – так можно было описать внутренности этой тюрьмы. Металлические ступени, чуть прогнувшиеся и грязные, вызвали бы у нормального человека легкий приступ отвращения, впрочем, как и все в здании, покрытое оболочкой грязи и кое-где ржавчины, но Рокк, из-за рода

своей деятельности, давно к подобному привык.

Утэгер завел его на третий этаж, где особо чувствовалась нехватка свежего воздуха, подошел к одной из камер, закрытых решеткой, и кивком головы указал на человека в ней: скомканные длинные волосы, голый торс, местами заляпанный кровью, и даже будучи в камере все еще в кандалах.

– Крбнцевые? — с неодобрением уточнил Рокк, раздумывая, стоит ли вообще брать этого пленника или только намучаешься, и страж кивнул. — Откуда такое привалило?

– Сам пришел, что-то про хагацёнов орал, но мы быстро заткнули ему глотку.

Услышав разговор, заключенный, измученный произошедшим в Наури, да еще и избитый герами, медленно приподнял голову и осмотрел пришедших ненавидящим взглядом. Этот пленник всегда считал, что таким, как он, не место среди людей. Хотя не только люди, но и хагацены, и эраны – всегда были зациклены на себе и собственной выгоде. Теперь, когда ему было нечего терять, он представлял, как порадуетя, конечно, если останется жив, когда Иллия исчезнет благодаря всем тем, кто так желает людской крови. Лишь от одной мысли об этом его глаза блекло засветились в полумраке комнатки, а на губах появилась безумная улыбка.

– Ты поосторожнее с ним: шибко буйный, — предупредил страж, разглядывая заключенного.

Совсем недавно он сам видел, как его товарищи с трудом скрутили израненного наури, вышедшего из леса с девушкой

на руках. «Жаль девчонку, — снова подумал утэгер, считая в уме упущенные монеты за продажу, — за нее можно было бы выручить гораздо больше. Но тот уже мертвую ее принес, а все еще просил о помощи... Бедняга».

— У меня он быстро станет тихим и послушным, — заявил Рокк, хищно улыбаясь в тон пленнику. Ему всегда было интересно ломать других. Просто по тому, что некогда точно так же ломали его самого.

Капитан вплотную приблизился к решетке и взялся за прутья. В тот же момент закованный наури, гремя цепями, резко подался вперед, но лишь причинил своим запястьям вред. От полученной боли его глаза загорелись ярче, и он озлобленно усмехнулся новому хозяину, всем своим видом говоря: «Посмотрим еще, кто кого»...

Гвадаар, дорога к первому восточному посту оэнгеров

Итак, из-за неких страшных ящероподобных существ нам пришлось зайти в самую чашу слегка попахивающего тиной хвойного леса.

Да-да, мы просто пошли прямо, стараясь как можно быстрее уйти от той поляны. Причем дедуля после своего восторженного восклицания насчет непонятого слова «балакши» — может, ошибся и говорил о деревне, но тогда смысл вообще потерялся — заявил мне в лоб: «Молчи» и потопал вперед, больше не проронив и звука. Конечно, меня это

не устраивало: накопилась целая тонна вопросов, которую я хотела обрушить на него, но, все же, последовав приказу старичка, побрела следом, не собираясь пока доставать его расспросами. Надо сначала от тех тварей оторваться.

А пока что приходилось развлекать себя, чем только могла. Раньше это местечко напоминало мне о деревне бабушки, там тоже всё постепенно зарастало, зато теперь я хорошо рассмотрела здешние деревья, похожие на ели. Иголки оказались намного длиннее и мягче, большинство из них выгибалось или закручивалось и создавало с другими интересные и уникальные формы для каждого дерева. Было занятно на них смотреть, искать различия, трогать. Даже при сильном нажатии они потом вновь принимали свою изначальную форму.

А вот старику было явно не до любования здешними красотами: он быстро шагал вперед, с силой пробивая тростью землю и иногда усердно ею размахивая, чтобы раздвинуть листья и сухие веточки, при этом никаких других звуков в лесу не раздавалось. Возможно, из-за тех тварей все животные и птицы покинули эти окрестности, хотя утверждать не берусь. Но дедуля, похоже, все-таки знал, куда идет, либо полагался на чертовски верную интуицию. По крайней мере, так мне показалось.

Я же старалась держаться немного позади и не мешать провожатому: не дай бог еще под палку его подлезу и по башке получу, новую травму я не выдержу, – продолжая играть

с деревьями, из-за чего мне приходилось время от времени его догонять. А следовала я за ним... минут двадцать. И где моя осторожность? Хотя... все равно не было иного выбора.

К тому же очень хотелось узнать, что да как, и земля под ногами вроде давно не тряслась...

– Простите, – вежливо начала я вопрос, привлекая к себе внимание старика, – а куда мы, собственно, движемся?

Дед остановился, повернувшись, наклонил голову немного вправо и замер, изучая меня взглядом. Я, тоже затормозив, с любопытством уставилась на него и невольно симитировала его движение.

Под другим углом обзора ничего нового я не увидела, зато вызвала широкую улыбку у старика, раздвинувшую на мгновение его густой покров «шерсти» на лице и обнажившую зубы. После чего он тряхнул бородой, отвернулся и пошел дальше, а в моей голове запульсировала бешеная мысль: «Белые ровные здоровые зубы. Протез? Или же... Травоядный... Травоядный?! Что за бред я несусь? Может, он каннибал! Или еще чего хуже!». Ну а если серьезно, счастливый он дедушка, сейчас молодые такими зубками похвастаться не могут, а у него вон в его-то годы целая плантация. Однако еще больше меня смутило другое: какого черта он меня проигнорировал?!

– Почему вы не ответили на?..

– Чш, – коротко шикнул старик, даже не взглянув в мою сторону.

Я аж на мгновение остановилась, не ожидая, что меня так просто заткнут.

– Послу!..

– Чш-ш! – сердито зашипел проводник и завертел головой, словно что-то услышал.

Я вот на слух не жалуясь, поэтому была уверена, что никаких звуков никто не издавал, кроме меня и деда. Это такая уловка, чтоб я замолчала? Хм...

– Да что за?..

Стихла, потому что дедуля резко обернулся и вперился в меня суровым взглядом, с шумом вобрал в легкие побольше воздуха и:

– Чш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш... – долго так, нервно, с эмоциями и старанием.

Мое удивление сменилось улыбкой и чуть было не вырвалось смехом, вот только я поперхнулась им из-за того, что перед моим лицом оказалась грязная трость старика со свисающим на конце комочком грязи и травинкой. Дед коснулся ей моего носа, и в голове возник образ злого колдуна, превращающего надоедливую девочку в морскую свинку. Буду сейчас травкой питаться прямо тут, на этой тропинке. Но ничего не происходило, если не считать того факта, что я естественно не почувствовала прикосновение трости, только услышала, как она уперлась в маску и чвакнула по ней грязью. С недоумением и легким раздражением посмотрела на чудного деда и заметила его нахмуренные брови.

Вот же злюка. Такого выбеси и палкой по голове настучит.

– Намек понят, – кивнула я, настороженно следя за дедом.

Старик удовлетворенно кивнул, убрал от меня трость, развернулся и потопал прямо, все так же долбя ей землю...

Долбя землю?..

Если присмотреться, то почва под сапогами была влажная, а судя по тому, что я недавно видела, где-то недалеко находились болота. Вот почему он так усердно проверял тропу... И ведь, вспомнив наш путь, я вдруг пришла к неожиданным выводам: старик ориентировался по краю этой болотистой местности, обходил более мокрые места, поэтому иногда мы сдвигались немного левее. Видимо, это — территория тех прямоходящих ящериц... И дед все еще боялся их потревожить.

М-да... Я слишком туго соображаю.

Тяжело вздохнув из-за угнетающей атмосферы, я тихо продолжила рассматривать лес, что уже через минуту мне надоело. Со злостью оторвала ни в чем неповинную иголку, смяла ее в руке и вспомнила, как еще позапрошлой зимой обрывала ель у дома бабушки. Не знаю зачем, но было весело. Я целое ведро этих иголок насобираала. И довольная такая была, как... как... голый ежик! Ну серьезно, что за бред у меня в голове? Неужто долбанулась так сильно при падении?..

Осторожно потрогала свой затылок и обнаружила там небольшую шишку. Больно, кстати, не было, только в ушах

сильнее зашумело. Но, не рискнув изводить саму себя, убрала руки в карманы штанов и снова задумалась, на сей раз по поводу прошлого сна.

Я видела ужастик: какие тут сомнения. Вот только с чего бы? Что я такого перед сном смотрела? И что за бзик со снегоподобной пылью? Да и людоеды эти серые. Бр-р-р... Ох и жуть мне приснилась, даже вспоминать не хочется. Но еще больше меня напугал тот факт, что какой-то парень, на которого я сейчас похожа, каким-то непонятным образом оказался во мне. Да причем тут «непонятным»?! Невозможным! Что за нереальные вещи со мной происходят? И ведь выглядит все натурально, по-настоящему. Разве такое бывает во сне?..

А тот на машине?.. Видела его раньше. Уверена, что видела. Только...

Тихонько вскрикнула от боли, вспышкой света ударившей по глазам. Будто молния полыхнула совсем рядом. Чее-ерт...

Капелька пота скользнула по щеке к подбородку. Попыталась протереть ладонью лицо, но лишь провела перчаткой по маске, зато мгновенно пришла в себя и вдруг обнаружила, что тропинка уже шире, суше, а еще... Что за вопли? Дед поет?! Серьезно?!

– ...О-о-оёё-ёёй, о-о-оёё-ёёй, о-о-оёё-ёёй...

Самый сильный, самый быстрый, не сразить его мечом!
Хох, во дает! Сам шикал на меня, а теперь концерт лес-

НЫМ зверям устроил.

*– Кто сказал, что вымерли-и-и сильные бала́-а-акиши?
Щит золотой наш потеря-я-ял доблестный наро-о-од?
Есть в крови людско-о-ой силёночки, а та-а-акже
С неба к нам яви-и-ился истинный саго́-о-от!*

Всего один этот куплет полностью вынес мне мозг. И еще это слово «бала́кши», кажется, именно так меня назвал дед. Может, это означает, что я житель Бала́шек?

*– Он всех хагаце́-е-енов разорвет в кусо-о-очки!
Снова нашу Илшо-ю-юю вместе возроди-и-им!
Он погубит зло-о-о, а все, кто непоро-о-очны,
Будут под защи-и-итой. Благо шлет Брати́-и-им!*

Хочется отметить, что сама по себе песня была очень даже ничего, и ритм пришелся по душе, вот только голос старика совсем не подходил для пения!

Да что ж так противно-то?! Он меня доконать хочет? Да он не каннибал, он садист!..

– О-о-оёё-ёёй, о-о-оёё-ёёй, о-о-о...

– Да замолкните вы! – сорвалось с языка, и дед, резко замолчав, оглянулся. – У меня уже голова болит от ваших воплей!

Ты же скрипишь, как телега!

– Какой нежный, – с улыбкой съязвил старик, и я вновь поймала себя на мысли, что тот слишком живой и душою чересчур молод. Этакий малец проказник с бородой и горбом. Я не утверждаю, что дедуля не может таким быть,

но мне встречавшиеся пожилые люди так себя не вели. – Это не вопли, а прекрасная песня, причём о тебе.

Пха, прекрасная?! Обо...

– Обо мне?! – закричала я в бешенстве. – Какой я вам к лешему балáкши?! И кто это вообще?! И почему вам можно орать на всю округу, а мне нет? Кто вы такой?! – вот и посыпался из меня град вопросов. Сам виноват: я слишком долго терпела.

Дед неожиданно остановился, и я врезалась ему в спину.

– Гребанная тропинка! – ругнувшись, я отлепилась от старика, отметив, что дедуля очень даже крепкий малый.

Сколько времени уже прошло? Что за сон такой?! И почему я должна все это терпеть? Кто этот дедуля? Что за чертовщина со мной творится?! А-а-а!..

Дооралась.

Охнула и схватилась за разболевшуюся еще сильнее голову. Эта мигрень уже достала. Совсем ничего не соображаю. И не хочу ничего. Может, плюнуть на всё, сесть прямо тут на тропинке и подождать, пока не проснусь? И пусть будет, что будет! Да!

Только... всё-таки... странно как-то. Вдруг я не сплю? Вдруг я лунатик? Заперлась в Балашевский лес и заблудилась. Тут раньше волки вроде водились. С дедом не так страшно, вряд ли спасет, если приключится что-то, зато пока его жевать будут, смоюсь под звериный чавк. Шучу, конечно, главное, чтоб он меня вывел отсюда. Правда, я ведь не ез-

дила в бабушкин дом и не могла оказаться в лесу. И те здоровенные ящеры – явно нереальные. Тогда повторяю: что за чертовщина со мной творится?!

– Парень, – наконец соизволил ответить старик, – ты что, с луны свалился?

– А? – переспросила я удивленно, не совсем понимая, – да что врать-то – совсем не понимая этого безумного дедушку.

Причем тут луна?! Что я сказала такого невероятного? И что за манера не отвечать на поставленный вопрос?

– Ты это, головой не сильно стукнулся при падении? – с усмешкой поинтересовался он.

Ну надо же, он еще и издевается надо мной! Вот же... лучший волосатый!

– Идите вы!.. – я не договорила и, оттолкнув чудаковатого спутника в сторону, пошла первой.

– Куда? – не унимался дед с усмешкой.

– В баню! – зло бросила я, продираясь сквозь закрывшие нашу тропку кусты какой-то желтой ягоды, смутно напоминающей смородину.

Похоже, лес скоро должен был кончиться. Всё больше появлялись небольшие кусты, да и деревья росли реже.

– Это зачем? – в свою очередь не понял дед.

Долго он что-то морозился. Видать, обдумывал варианты, прежде чем спросить.

– Мыться! – истерично отрезала я, проклиная всё на свете за то, что это чудо свалилось на мою голову.

Достало всё. Раньше, стоило мне только понять, что я сплю, тут же просыпалась, либо осознание этого пропадало, и я проваливалась в сон. А тут абсурд какой-то: и понимаю все, и сделать ничего не могу.

Хм?.. Тишина?..

Слава Создателю, он замолчал!..

Что уже через пару секунд меня насторожило, потому и обернулась.

Старик продолжал стоять все там же, где я его обогнала, в недоумении глядя перед собой. Вот, что называется «завис». А потом вдруг закрутился на месте, обнюхивая всего себя со всех сторон, куда только мог достать. Я в изумлении уставилась на лешего, запутавшегося в собственной бороде.

Во дает. Он же сейчас грохнетя!..

Невольно сделала к нему шаг, собираясь помочь.

А не, в обратную сторону начал движение...

Дед кое-как раскрутился, расцепил руками волосы и бороду, после чего выдал сногшибательную фразу:

– От меня что, пахивает?

Еще мгновение я стояла вполне спокойно, хотя скорее контужено, с удивлением таращась на забавного дедушку, а затем безудержно захохотала, выплескивая вместе со смехом все свое раздражение. И длился мой припадок добрых несколько минут, пока не свело скулы и не заболел живот.

Вот же чудо в перьях, точнее, в волосах. И откуда он такой взялся? Фу-у-ух, нельзя же так, аж затылок стянуло...

Погладила саднящее место и вдруг поняла, что шишки как не бывало. Прямо чудеса. Так быстро зажила моя голова, что не верится даже. И мигрень потихоньку проходит. Хах, смех – лучшее лекарство.

Глубоко вздохнула, успокаиваясь и все еще улыбаясь, и взглянула на ошарашенного спутника, не поддержавшего мое веселье.

– Успокойтесь вы, это просто выражение такое, – чуть смягчила я ситуацию, хотя взгляд у деда все равно остался сердитым, да и чего врать-то: от него действительно попахивало. – Лучше объясните мне, балбесу, кто такой балáкши, а также сагот с Братíмом и хáца... – замялась, припоминая это словечко, – гáха... – нет, снова что-то не то. – Ну те, о которых вы пели. И почему я должен был с луны свалиться?

Однако мой радостный тон его не разморозил. Пришлось немного помолчать, наблюдая за стариком, продолжавшим сверлить меня взглядом. И затянувшаяся пауза дразнила нервы... Ладно, тогда еще пару вопросов:

– А еще я не против узнать ваше имя и что вы тут делаете?

Ага, только и на это дедуля не торопился отвечать. Он долгое время очень внимательно смотрел на меня, словно боясь пропустить какую-то важную деталь, что ускользала от него всё это время. И глаза его казались ярче, чем прежде, прямо какими-то приклеенными ко всему его дедовскому прикиду.

– Сними маску, – тихо и совсем не своим голосом сказал

старик, отчего я вплялилась в его скрюченную фигуру с большим недоумением.

Что-то с ним было не так, только я никак не могла понять, что. Правда, меня обрадовала его просьба, а то я начинала думать, что маска существует лишь в моем воображении.

– Зачем? – решила я уточнить, начиная тревожиться, ведь я была не в силах ее снять.

– Тебе трудно? – вновь раздался мягкий молодой голос, не подходивший деду, скорее, мужчине лет тридцати.

Снова коснулась маски, попыталась найти хоть что-то, за что можно было зацепиться, ну, кроме выпуклости, повторяющей форму носа, но лишь протерла ее перчаткой.

– Не могу, – качнула я головой.

Старик разочарованно цокнул языком и, обойдя меня стороной, устало двинулся вперед.

– Скоро нарвемся на оэнгеров, которые здесь из-за границы с хагаценами, – уже своим, хриплым голосом, произнес он, наградив еще одним непонятым словом. – К тебе будет много вопросов. Попробуем пройти вместе, но вдвоем дальше не пропускают. Пусть у тебя и звонкий голос, больше подходящий девчонке, но ростом ты не тянешь на десять лет. Не пропустят, думаю.

Я лишь хмыкнула в ответ и последовала за дедулей, с настороженностью поглядывая на его спину. Подозрительный он тип. Того и гляди, палкой отдубасит, а потом споет и станцует на радостях.

– Почему не пропустят? – снова пошла я на контакт, и дед бросил в мою сторону нехороший взгляд.

Да что не так-то? Чего он сердится? Я ж просто спросила!

– Я не стану больше задавать вопросов, – наконец, пусть и нехотя, смирился он. – Вы, балáкши, все со странностями, я просто должен принять этот факт, как данное. Но эта маска... – старик с азартом в глазах посмотрел на меня и погладил свободной от трости левой рукой свою бороду. – Любопытство покоя не дает. Что ты прячешь? Ожоги, оспу, бородавки, веснушки?... А может, ты преступник какой и лицо свое скрываешь?..

Я задумалась, понимая, что мой спутник, в общем-то, прав: внешний вид у меня, как минимум, странный. И если подумать, маска мне совсем не мешала, только почему-то казалось, что из-за нее мне было так плохо. В голове стоял какой-то туман, в ушах до сих пор шумело, и будто бы маска заменяла мне мое настоящее лицо.

– Ладно, не хочешь – не говори, – расстроено вздохнул дедуля и тряхнул головой, отчего зашевелились все его волосы. – Я же попробую ответить на твои вопросы. – Он кивнул, соглашаясь со своими мыслями, ненадолго задумался и продолжил: – Звать меня Рíус, – соизволил-таки представиться старик. – Что я тут делаю? – косой взгляд в мою сторону. – Я беглый и опасный преступник, которого разыскивают геры, чтобы посадить на цепь, а потом казнить.

Я тормознула, услышав такую наглую ложь. Куда

не на фиг! Он-то опасен? Что за бредни?! И даже плевать, кто такие эти геры!..

– Могли бы просто не отвечать на вопрос, – обиженно произнесла я, снова двинувшись вперед, а тот лишь усмехнулся на мою реплику.

– Есть такое место – Балáшки, – хрипло сообщил дед, и я насторожилась: значит, все же о деревне бабушки речь, или я чего-то не понимаю, – где берут свое начало великие древние рода воинов, прозванных балáкши.

А вот это уже что-то новенькое.

– Это храбрые могущественные люди, обладающие невероятной силой, и они, чаще всего, помогают народу. Таких мы называем сагбтами, посланниками великого и многими почитаемого Братíма – бога войны, который долгое время защищал народ от своего врага Рóкка – бога смерти. Они – истинные балáкши. Но есть и самозванцы – дэврáки, они предают Братíма и начинают служить Рóкку. Правда, сейчас не о них, – оборвал старик свою размеренную речь. Рассказчик из него вышел хоть куда. – Дело в том, что сагбтов давно не встречалось в нашем мире: последний погиб во второй священной войне за Иллию. Так что я очень удивлен, что появился ты, – быстро проговорил он и ткнул меня тростью в левое колено.

Вот же... мелкий!.. Стоп. Он меня за сагбта принял? Со всем сбрендил?!

– Видимо, грядут большие перемены. И я действительно

считаю, что ты один из них.

У меня аж мурашки по коже пробежали. Почему сказал это? Как заметил? Ведь лицо зарыто маской...

– Не только из-за твоего вида и странного поведения, – добил старик своей догадливостью. – Балашки находятся недалеко от того леса, где мы встретились, ты ведь и сам в курсе. Еще ты назвал свой род, признав принадлежность к великим предкам. Ну и, конечно же, хагацёны, которые нас пропустили, потому что почувствовали в тебе огромную силу. – Приведя все свои доказательства, дедуля резко смолк и перестал сверлить меня взглядом.

Он словно давал время поразмыслить над услышанным, но мне было сложно что-то понять. Всё это не укладывалось в голове. Более того, я до сих пор не могла поверить, что не сплю. Тогда откуда эта информация?

Неужели мое подсознание так чудит? Я, конечно, фантазерка, но что-то не припомню, чтобы все было так запущено. Я с ума схожу, да? И все эти незнакомые слова... Я должна была их где-то слышать, иначе никак. А выводы деда меня просто пугали. Он правда считал меня каким-то сверхъестественным чудом? Боже упаси! Еще на костер потащит, если решит, что я этому Рокку служу, а не Братиму.

Вот только все слишком натурально. Пугающе натурально...

Теперь мы долго шли молча, не решаясь нарушить тишину. Я смотрела себе под ноги, разглядывая маленькие ка-

мушки, вдавленные в землю. И лишь сейчас поняла, что мы вышли на просторную и ровную дорогу, по которой было очень удобно идти, а лес просто расступился и сейчас стоял по обе стороны от нас.

Провалы в сознании? Кажется, я либо начинаю просыпаться, либо наоборот глубже проваливаюсь в сон. Жесть...

– Хагацэны, – вдруг начал дед, напугав меня неожиданной речью, да и словом этим странным, – это такой народ. Предполагаю, ты их видел, когда перестал дышать и покинул тело, – старик бросил на меня косой взгляд, словно пытаясь увидеть во мне какие-то изменения. – Я слышал о подобной способности, – громче произнес он. – Ты перенес разум чуть дальше вперед, когда услышал странные звуки. Это большая сила, но ведь можно и не вернуться. Поосторожнее с этим. Я также слышал, что есть люди, которые вот так вот гуляют во сне, а назад дороги не находят, – и будто специально рассказал это все жутким голосом, цепляющим за живое. – Но ты ведь о хагацэнах спросил, – снова прервал старик сам себя, улыбаясь, что смог еще сильнее подгадать мне настроение. – Я их и сам почувствовал, это врожденное чутье, так же как и на других, отличных от людей созданий. Считай это взаимной ненавистью, – пожал он плечами. – Они собирают армию, похоже, для похода на людей. Вершитель Дэмсиос не смог договориться с ними, слишком дурной, да к тому же дэврэк, так что скоро развяжется война... – Дед сделал паузу, раздумывая, что сказать дальше, а я лишь диву

давалась, насколько безумен мой мозг. – В общем, это наши враги. А почему я решил, что ты с луны свалился? Так все, что я сказал, каждый ребенок в Гвадаа́ре знает.

А?.. Так вот оно что. Значит, меня просто приняли за идиотку? Ах ты ж старый пень!

– Простите, – извинилась я, натянув на лицо милую улыбку, хотя не думаю, что он увидел, маска-то все равно ее скрыла, – а Гвадаа́р – это?.. – произнесла я и вопрошающе уставилась на деда.

– Весь этот мир, – шепнул он, посмотрев вперед с напряженностью.

Я проследила за его взглядом и выгнула брови. Снова-здорово, откуда это все взялось-то? Человек двадцать в одинаковой форме на небольшом мосту через тонкую речушку, разрывающую стены леса.

– Тихо теперь.

Дед опять замолчал, и я последовала его примеру, а то снова палкой махать станет, и нас еще в клетку упекут как особо буйных. Зато появилось время внимательно осмотреть людей на мосту. Наверное, это и были те самые, дай бог памяти, оэнгеры.

Все без исключения – мужчины где-то от двадцати до тридцати лет, чаще коротко-стриженные, в иссиня-черных костюмах, на которых молнии, лампасы и окантовки были ярко-белого цвета, потому сильно выделялись на темном фоне. А свободные штаны, как и у меня, были заправлены

в черные чуть ниже моих ботинки на низком каблуке.

Скажу честно, их форма мне понравилась, и я, совершенно не стесняясь, разглядывала каждого мужчину по очереди.

Как и положено, у военных имелось оружие, только неожиданно для меня, у большинства оэнгеров за белым поясом, надетым прямо поверх курток, висело по две сабли или коротких меча. Но были и такие, которые носили револьверы, еще у троих я заметила черные арбалеты и сумочки, наверное, с болтами.

Мужчины группами из трех-четырёх человек рассредоточились на дороге и мосту и что-то весело и довольно громко обсуждали. Заметив нас, один из них, единственный оэнгер в расстегнутой куртке, из-под которой выглядывала темная футболка, спортивной походкой вышел вперед. Встал перед началом моста, преграждая путь дальше. Люди мгновенно замолчали, а мой спутник дернул меня за рукав, заставив остановиться за пять шагов до мужчины, хотя я и сама знала, что надо будет тормознуть. Только почему так далеко?..

Черноволосый оэнгер с «рваной» – будто его подпалили и потушили, а не постригли – прической выглядел как-то не очень дружелюбно: сложив на груди руки, с вызовом в карих глазах исподлобья посмотрел на старика, а шрам у него над правой бровью сильнее подчеркивал угрожающий вид. Этаким прокурор, с прищуром и подозрительностью взирающий на весь мир. А еще я только сейчас смогла разглядеть на рукаве его куртки с высоким горлом вышитый золотыми

нитками щит, за которым красовался серебряный меч.

– Кто? Куда? Откуда? – с паузами между словами хорошим таким басом спросил оэнгер, продолжая смотреть лишь на дедулю.

– Здравствуй, милоч, – начал заискивающе тот, не подходя ближе, – с Балашек мы. Я дедушка Риус, а это мой внучок – Амака́ши. Держим путь в порт великого Аврэ́лия, чтобы в Палава́н на корабле уйти, успеть на праздник.

Мужик с интересом взглянул на меня, усмехнулся и развел руки, при этом качая головой.

– Двоих не пущу, дед, и не проси. Указ Вершителя.

– Да внучок-то мой только впервые здесь, заблудится он сам, – стал упрашивать старик, и оэнгер снова принял сердитый вид.

– Чего тут блукать? – грубо отозвался он. – Два наших поста прямо, и дальше дорога сама уходит левее до самого порта, – для убедительности даже руками замахал, показывая направление. – Были бы деньги. Так что давай сам, а этот через семь часов пойдет, в гавани и дождешься его, – вновь подозрительный взгляд на меня. – Или наоборот.

Дедуля зачем-то еще ниже пригнулся – платье и так по земле волочется – и сделал шаг вперед. Я хотела пойти следом, но он ткнул меня тростью в бедро, чтоб остановилась. Вот же садюга, мог бы и словом это сделать!.. Оэнгер же проследил за Риусом взглядом, опасно держа руку у пояса, и если понадобится, собираясь воспользоваться револь-

вером. Я тоже напряглась, беспокоясь и за старика, и за свою жизнь. Мало ли чего мужику этому в голову взбредет.

– Может, договоримся? – вдруг спросил дед, став шарить по карманам.

Оэнгер, как и я, сначала слегка преобалдел от такого явления, а потом громко рассмеялся, сотрясаясь всем телом. Тогда старик перестал обыскивать свое платье и постукал тростью по камням у себя под ногами, будто сдерживая этим свою эмоциональность, а под шумок засадил мужику в голень. Резко прекратив хохотать, тот с усмешкой на него зыркнул, вытер выступившие на глаза слезы и судорожно выдохнул, успокаиваясь.

– Ну даешь, дед, – прошептал он, сделав шаг назад. Да-да-да, я бы тоже отошла, не став рисковать сохранностью своих ног. – Все, даже говорить с вами больше не стану. Либо по моему, либо вообще никак.

– Но... – почти успел завести свою песню дедушка, и я, вдруг почувствовав что-то странное, его остановила.

Это была интуиция? Возможно. Но внутри меня, прямо в груди, зародилась уверенность, что стоит пойти позже. Кто-то звал меня. Кто-то, кто должен был скоро появиться. Может, тогда я смогла бы понять, что происходит?..

– Ничего. Не беспокойтесь. Я найду дорогу, – обрывочно вставила я в их разговор и заметила на себе недобрый взгляд оэнгера, как и удивленный взор старика. – Идите, я догоню.

– Точно? – усомнился дед, переглядываясь с мужиком.

На мгновение мне даже показалось, что эти двое смотрят друг на друга как-то странно. Может, они уже встречались раньше?..

– Точно, – уверенно, для вида, кивнула я, на самом деле сомневаясь в своем решении.

И тогда дедуля меня сильно удивил. Не говоря ни слова, он медленно двинулся дальше, прошел мимо мужика и топтал по мосту, ни пожелав мне удачи, ни обернувшись. Со всем ничего!

Я внимательно смотрела ему вслед, ловя на себе взгляды оэнгера и думая, правильно ли я поступила, а еще не скрывая своей обиды. Что это за поведение такое?! Вот же!..

Дед внезапно остановился, быстро нагнулся и что-то поднял с каменных плит, в то же время совсем ненормально дернулся его небольшой горб, прикрытый волосами. Он... ненастоящий... что ли?

Старик заозирался по сторонам, проверяя, заметил ли это кто-нибудь, легким движением руки поправил горб, обернулся, поймав мой взгляд, выпучил глаза как рыба и, больше не медля, засеменял вперед, уже не клацая по мостовой тростью, а просто держа ее в руке. Да и не хромал он вовсе!

Что... такое? Какого?..

Наверное, долго до меня доходило, но я была просто в шоке от понимания, что меня одурачили. Ведь чувствовала, что что-то не так. Но зачем?! Что еще за игры?!

Безумно захотелось догнать этого старикана и содрать

с него весь маскарад, потребовать объяснений.

И я действительно бросилась вперед, но уже в следующую секунду наткнулась на что-то очень твердое, похоже, кулак, который прилетел навстречу.

В голове раздался до тошноты противный гул, вторящий протяжному звону в ушах, во рту появился металлический привкус. Удар был достаточно сильным, чтобы тело его не выдержало: ноги подкосились, перестав меня слушаться, и я свалилась на землю, снова получив шишку от столкновения с дорогой.

Еще на секунду, за которую я успела почувствовать, как чей-то ботинок больно уперся мне в левый бок, цепляющееся за свет сознание смогло задержаться в здесь и сейчас, после чего голос оэнгера удовлетворенно сообщил: «Жив, щенок», а сладкая темнота приняла меня в свои объятия...

3 глава.

Сон или другая реальность?..

*Быть обычной, как все и каждый,
Даже этого не дано...*

Зэндаар, дом Моховых

Головная боль, мучившая меня всю эту странную, невыносимо жуткую ночь, наконец начала утихать, переставая стучать громким пульсом в затылке и давить на глаза. А затем очень медленно, по крупицам света, на черном экране сознания собрался мутный образ человека. Средний рост, серые одежды и коричневая гладкая маска без хотя бы одной, самой маленькой щелочки, зато с черным узором на правой половине: кривая молния и наклоненный рыболовный крючок, а между ними, ближе к правому глазу и почти что над ним, ромб с... хм... прямыми рогами, направленными в разные стороны.

Словно в трансе человек стал раскачиваться и раздвигаться прямо передо мной, хотя себя я не видела. Бесшумно этот образ распался на две составляющие, а маска, на мгновение зависнув в воздухе, с сухим треском разломилась и осколками осыпалась под ноги двум подросткам.

Справа оказался юноша с выразительными черными гла-

зами, с вызовом смотрящими на меня. Его длинные смольные волосы были убраны в высокий хвост. Да и одежда не изменилась, та самая, в которой я встретила с бабушкой Рэйсом.

Уже через секунду интуитивно поняла, что он – все же она, даже немного похож на меня. Хотя нет... это одно лицо, просто волосы другого цвета и длинные, а глаза темнее и ярче.

Слева же стояла другая девушка. Она смотрела себе под ноги, и нависшая на лицо челка не давала мне получше ее разглядеть. Только, судя по цвету волос и темному спортивному костюму, это была я, настоящая Евгения Мбхова, а не странная особа по имени Амакаши.

Черное пространство над головами двух девушек вдруг осветилось яркой вспышкой: маленькая звездочка упала откуда-то сверху прямо на макушку второй меня, и уже в моей голове возникло еще более неприятное ощущение, чем раньше: мне словно сдавили виски сильными холодными пальцами.

Глаза открылись сами, просто распахнулись, и первое, что я увидела – потолок, выложенный белыми рельефными плитами. Какое-то время отрешенно смотрела на их хитросплетенные узоры, отдаленно понимая, что уже не сплю. А затем осторожно повернулась на левый бок.

Все вокруг в тот же час поблекло и стало расплываться, точно так же и я сама начала куда-то вытягиваться, будто

пружина, ползти вверх, оставаясь при этом мирно лежать в кровати. К моему великому счастью и успокоению вскоре прошло и это наваждение, зрение восстановилось, и я различила темно-коричневую пузатую тумбочку у стены.

Кажется, я вернулась домой, в свою комнату, либо это мой третий сон за сегодняшнюю ночь, который будет происходить в точно такой же спальне. Не дай бог...

И все-таки я вздохнула с облегчением, сильнее забурилась в подушку, желая уснуть, но на сей раз не увидать кошмаров, да и вообще ничего не увидать, лишь бы отрубиться еще на часок, а затем очнуться отдохнувшей и свежей. Слегка улыбнулась, радуясь, что на данный момент пока не случилось ничего странного и необъяснимого, и тогда же почувствовала влагу на губах.

Сознание, до сих пор находившееся где-то в «сказочных» – ага, как же, скорее серых и ужасающих – далях, не дало мне сразу понять, что происходит. Я облизнула губы, думая, что это слюна, сглотнула: ужасный, тошнотворный вкус крови, в горле застрял маленький и острый кусочек чего-то твердого.

Срывая с себя одеяло, резко села, будто бы меня сама кровать толкнула в спину. Вскочив на ноги, закрывая ладонями рот, чтобы не вырвало раньше времени, помчалась на кухню к умывальнику. Мучительная зудящая боль, усилившаяся дерганьем пульса в деснах, горячей волной разлилась по всей челюсти. Казалось, что разом заболели все зубы, словно бы я

содрала с них эмаль, а затем, как самоубийца, хлебнула ледяной воды. Со стоном и плачем нагнулась над раковиной, чувствуя, что уже подкашиваются ноги, и тогда меня стошнило кровью и...

Замерла в полусогнутом положении, тупо уставившись на белый мраморный осколок на дне раковины у самого слива. Боль начала отступать под натиском удивления и непонимания, что, безусловно, принесло мгновенное облегчение, от которого пространство тихонько зашипело в уши. С дрожью в руке осторожно взяла осколок – острый на ощупь – и повернула кран: тонкая струйка воды быстро очистила его от крови, заставляя с ужасом понять, что я сжимаю в пальцах ни что иное как зуб.

– Неужели мой? – ошарашено глядя на него, спросила я сама у себя, прекрасно сознавая, что уж чужой зуб ко мне в рот вряд ли бы попал. Хотя... если я сплю, то и этому можно не удивляться, только чертова боль все еще саднила десны!

Судорожно вздохнув, аккуратно отложила зуб на краешек раковины, что сделать получилось не сразу – меня трясло, руки дрожали, вибрация в ногах быстро перерастала в колики, не давая спокойно стоять. Сполоснула рот. Снова чуть не стошнило от вида крови: в голове сразу возникали отрывки из первого кошмарного сна...

Что же со мной творится? Так ведь не бывает! Не бывает...

Отрывистым движением смахнула слезу, случайно вмазав себе пощечину, которая, впрочем, на меня успешно подействовала.

Соберись. Всё не так уж плохо: остальные зубы на месте, руки и ноги тоже. Успокойся.

Выпрямилась, глубоко вздохнула, посмотрела на себя в прямоугольное зеркало, приставленное к стене чуть выше крана, и от неожиданности сделала шаг назад.

В отражении была я, а не какая-то ужасная тварь с красными или пустыми глазницами, но мой внешний вид напугал меня не меньше, хотя в какой-то мере и успокоил. Ни ярких глаз, ни длинных черных волос, ни тем более маски – это как раз и обрадовало: я начинала верить, что предыдущий бред с неким балакши все же закончился. Однако в зеркале я увидела белое как мел лицо со слегка разбитой губой, будто она лопнула от того, что пересохла, хотя тактильные ощущения говорили мне обратное: губа должна была быть как минимум раза в два больше. А торчащие в разные стороны каштановые волосы, словно меня током шарахнуло, придавали совсем уж безумный вид. Да и тусклые карие глазенки превратились в узенькие щелки с неподъемными веками...

Ох и утро, врагу не пожелаешь такого.

Снова вздохнула, протирая ладонями лицо, кончик языка невольно потянулся к дырочке на месте зуба, провалился в нее, убеждая меня, что травма реальна. К тому же выбитый зуб продолжал мирно лежать на краю раковины. Тем

не менее, я все равно шагнула к умывальнику ближе, чтобы посмотреть и удостовериться окончательно. Верно, один из верхних отсутствовал, но десна распухла несильно, только налилась кровью.

Да уж, похоже у меня низкий болевой порог...

Еще раз сполоснула рот, после чего умылась, тряхнула головой и пригладила мокрыми ладонями волосы. Теперь мой внешний вид стал получше, и я долго глядела на девушку в зеркале, пытаюсь уловить хоть какое-то несоответствие с реальным обликом, найти нечто из ряда вон, что подтвердило бы абсурдность происходящего. Только и во сне сегодняшней ночью все было не менее настоящим.

– Зараза!.. – с силой ударила по раковине, причинив себе же больше вреда, однако зуб на краюшке все-таки подскокил и улетел куда-то на пол.

Че-е-ерт!.. Ну почему еще и это?!

Обшарила глазами линолеум: для полного «счастья» не хватало только, чтоб родители первыми нашли зуб. Но и сама на разноцветных квадратах не смогла его обнаружить. Хлопнула себя по лбу, наказывая за излишние эмоции: а если б умывальник загремел об стену или зеркало съехало на пол, — я бы всю семью подняла!

Удар ладонью вызвал новый приступ мигрени. Схватила за голову, качнулась вперед и чуть не завалила этот долбаный умывальник. Фига он вообще лезет с утра под ноги?! На нем (как же без этого?) зазвенело зеркало, и я, дернув-

шпись назад, с трудом замерла на одном месте, сдавливая себе виски.

Так, всё, успокойся, пока еще чего не учудила. Как говорит мама: «Всегда и всему есть объяснение. А в жизни многое случается, надо понять причину и не выходить из себя».

Дожила, маму цитирую! Однако верно, надо угомониться.

Глубоко вдохнула, замедленно и до тяжести в животе выдохнула. Кажется, немного полегчало. Опустила руки, облизнула десну на месте выбитого зуба...

– По-моему, он у меня до этого шатался, – припомнила я вслух и продолжила мысль: – Во сне, небось, сама себе и губу разбила. – Натянула на лицо подобие улыбки, пытаюсь изменить свое настроение.

Да, все именно так, надо привести себя в порядок, а то в школу скоро собираться!

Умылась холодной водой, чтобы прогнать остатки ночного кошмара, а заодно сильнее намочить разлохмаченную шелвелюру, стремящуюся встать дыбом, и окончательно пришла в себя.

Тогда же из соседней комнаты раздались тихие шаги, а вслед за этим я увидела Мишку.

– Понедельник – день тяжелый, – зевая и потягиваясь, произнес братец и, замерев в дверном проеме, выжидающе уставился на меня. Я лишь поджала губы и вяло повела плечами, не понимая, чего он от меня хочет. – Доброе утро, – прошептал он, облокотившись о косяк.

– А, – спохватилась я, – доброе, – и, наклонив голову, уступила ему место.

Заметил ведь. Уверена, что заметил. Почему же молчит?

Мишка задумчиво улыбнулся, прошлепал к умывальнику и принялся наводить марафет.

Я снова осмотрела пол в поисках потерянного зуба и облегченно вздохнула, не найдя такового: значит, и брат не наткнется на него ненароком. Губа разбитая – мелочи, а вот зуб выбитый...

– Как же мне плохо, – пожаловался Мишка, выключая воду, несколько секунд просто смотрел на свое отражение, после чего обернулся ко мне. – Ты чего так рано поднялась? Могла бы ещё часок поваляться.

– Не спится, – качнула я головой, бросив беглый взгляд на его обнаженный торс: вот же машина для убийства, когда он только успевает качаться.

– Э? – недовольно выдал брат. – Чего так посмотрела-то? Я ж не голышом разгуливаю, а в штанах.

– Да просто, – пожалала я плечами и решила по-быстрому уйти, пока еще к чему не придолбался или – что хуже – не начались мучения.

Не то чтобы он надо мной издевался, просто любовь у него была какая-то дикая, или развлекался этот садюга так. Пахал на своей работе, с пугающим рвением чиня компьютеры и телефоны, отчего по утрам да вечерам выглядел так, будто он гуляка заядлый, а меня типа редко видел, вот и старался

уделять как можно больше внимания...

Дверной косяк выскочил передо мной неожиданно, и я не успела уклониться. С громким «БАМ», больше всего ото-звавшимся у меня в челюсти, я застонала и замешкалась в проеме: тут-то меня и настигла здоровенная ладонь брата, упавшая на мою голову.

Мишка круто развернул меня к себе, при этом чуть не сло-мав мне шею, и пристально взгляделся в лоб, на котором, ско-рее всего, уже появилась хорошая шишка.

– Все нормально, – ощупывая ушибленное место, завери-ла я. – Пойду, посплю еще немного.

Выскользнула из-под его руки и попыталась смыться, но эта гора мускулов загородила мне дорогу, крепко обняла до хруста в позвоночнике и радостно хихикнула.

Нет, вообще Мишка очень хороший и заботливый брат, просто дури в нем немерено. Если подумать, то он прини-мал наибольшее участие в моем воспитании, ну и бабушка еще. Родителям частенько не хватало времени, чтобы взять-ся за меня основательно. С детства сидела у Мишки на шее, из-за чего он порой и с девушками встретиться не мог. Я ему благодарна, конечно, но мне уже не десять лет, чтоб со мной нянчиться.

– Задавишь меня, – со стоном промычала я, попытавшись потряхнуть головой и скинуть его волосы с лица. Он време-нами отращивал шевелюру, а когда что-то хотел изменить в своей жизни, то стригся очень коротко или машину менял.

Уж лучше бы девушку завел. – Да пусти уже, ну.

– Не гунди, – ответил мне брат, но таки отпустил, правда, тут же схватил за плечи и уставился на мои губы. – Это что?

И почему я надеялась, что не спросит?

– Улыбнулась неудачно, – скривила я губы и отвела взгляд в сторону.

Он же ходячий детектор лжи, знает меня как облупленную, не поверит ведь.

– С Нинкой опять подралась? – предположил Мишка, ухмыльнувшись.

– Тебе виднее, – пришлось согласиться мне сквозь сжатую челюсть.

Всё равно правда звучит неубедительно. Не говорить же, что я сама себе ночью губу разбила, да еще и зуб вынесла.

– Она тебя когда-нибудь прибьет, – мрачно произнес он, отпуская мои плечи, и немного погодя добавил: – или ты её.

– Не прибьет, – отмахнулась я, отвечая на неудачную шутку брата, и тихо протопала через зал в свою комнату, прикрыла дверь, после чего сползла по ней на пол и приглушенно вскрикнула, закрывая ладонями рот.

Почему же так больно?!

На месте, где еще ночью находился мой зуб, дергало так, что я губами чувствовала свой пульс. Я не смогла сдержать слезы, потому минуты три сидела на полу и тихонечко плакала. Главное, что не при Мишке разрыдалась. Вот... только... что мне родителям сказать?! Скинуть все на Нинку?

Она бы не обиделась, даже обрадовалась бы, но мне самой такие проблемы не нужны. Мало ли чего: мама решит в школу наведаться, объясняй потом, что да как. К тому же, Нинка если б и ударила, то не по губам, скорее бы пощечину вмазала. Наши с ней драки и драками-то не назовешь. Просто озлобилась на меня девчонка еще в начальных классах. Я сама виновата была, предала ее, прекратила с ней отношения ради своего нынешнего друга. Вот Нинка теперь и старалась показать, что мне без нее обязательно должно быть плохо, а плохо сама и делала. Да и ладно, это можно назвать своеобразной любовью: подумаешь, пару клочков волос друг другу выдрали да слов обидных наговорили. Я уже и не представляю себе иную школьную жизнь.

Вдоволь наобнимав свою голову и до самых кончиков пальцев на ногах прочувствовав зубную боль, я переползла на кровать. Спать не хотелось. Боже упаси, чтобы опять какая-нибудь чушь приснилась. Поэтому по привычке потянулась к тумбочке и, взяв ручку и ежедневник, начала писать. В мельчайших подробностях я описывала свои ночные кошмары и сегодняшнее утро, чтобы потом попробовать разобраться в этом безумии.

Когда же закончила свое занятие, боль в голове казалась незначительной.

Осторожно вернула ручку и дневник в тумбочку, стараясь как можно тише прикрыть потом дверцу, и медленно встала с кровати. Попыталась счастье, собравшись заправить постель,

но с каждым резким движением по вискам начинало ощущимо стучать. Так что, решив отложить это занятие до обеда, поплелась к шкафу и, сжав зубы, рывком открыла двери: тут уж деваться некуда, не в пижаме же в школу отправляться. Двери все равно клацнули петлями, поцарапав этим звуком мой затылок. Пришлось замереть на несколько секунд, чтобы перетерпеть приступ боли, а затем окунуться в маленький мир моей одежды.

Главными критериями моего стиля, в который периодически совала свой нос мама, являлись: удобство, желательно темные тона, спортивная обувь и махровый напульсник, с которым я никогда не расставалась весь последний месяц. Так что сборы не заняли много времени.

Как можно медленнее и не до самой кожи погладив непослушные волосы расческой, выглянула в зал, прислушалась: звуки разговора доносились справа, из кухни, – и мелкими перебежками прошла через огромную комнату, на сей раз нырнув в дверь слева.

Ванна располагалась по соседству со спальней брата и напротив комнаты родителей, а двери в нее никак не могли починить, сродни дверям в мой шкаф: скрипели, как заржавевшее колесо. Вот и приходилось, если кто-то спал, как можно реже использовать ванную и топать к умывальнику. Сейчас же все семейство поднялось, и никто не мог недовольно скривиться. Минута дела: самой, что ли, смазать эти чертovy двери?..

На сей раз моя головушка отреагировала на скрип не так ярко. Вот только зубы почистить мне удалось с трудом и частично, и тут уж виновата была моя расшибленная десна. А разбитая губа все еще бросалась в глаза, по крайней мере, мне, она так и притягивала к себе внимание, наверное, из-за не очень сильной, но все же существенной боли. Ко всему прочему на лбу красовался небольшой синяк, который я тут же закрыла челкой.

Ох и видон... Но это еще ничего. Главное испытание впереди: лишь бы родители не сильно ругались.

С крайне пессимистичным настроем я отправилась на кухню, где мама, папа и брат уже сидели за столом, ускоренно завтракая. Ненадолго задержалась в дверном проеме, всё еще набираясь смелости, после чего подошла к родне, с опаской поглядывая на отца.

Мохов Сергей Андреевич был из тех людей, у кого все всегда под контролем и строго по планам, а я сейчас нарушала его устоявшиеся представления о нормальном утре и послушной дочери. Ну, я тоже, вообще-то, не любила неожиданности, но относилась к ним не так рьяно. Хотя здесь дело больше в другом: я сказала родителям, что проблемы с Нинкой уже решены, тогда как выкручиваться?..

Отец, услышав шаги, сразу повернулся и замер, изучая мое лицо. Не проронив и звука, он положил свой бутерброд на стол, поднялся с сурово сведенными бровями и навис надо мной.

– Я же говорил, – как бы невзначай бросил Мишка, наблюдая за нами. Он-то как раз знал, что с Ниной мы воевали до сих пор, но уверена: не ябедничал.

Мама, очень правильный, честный и до невозможности мирный человек, взглянула на меня большими от удивления глазами, однако промолчала, ожидая, что нагоняй я сейчас получу от отца.

– Пустяки, – усмехнулась я, стараясь не сильно открывать рот, – пулевое ранение. Не обращайтесь внима...

Отец резко прервал мою речь, положив мне на голову ладонь, а второй рукой осторожно коснулся подбородка и приподнял его. Улыбка с лица мгновенно исчезла, не от страха, а просто в данной ситуации глупо было бы радоваться, пусть и искусственно. Пронзительный взгляд родителя обжег мои губы, плавно перешел на лоб и снова скатился вниз.

– Пулевое ранение? – переспросил он, задумчиво хмыкнув. – И кто ж в тебя стрелял-то?

– Ну-у... – я отвела взгляд в сторону, экстренно соображая, что ответить. Может, даже сказать правду? Всякое ведь бывает, верно?..

– Лоб она при мне расшибла, – выручил вдруг Мишка.

– Как так? – удивленно спросила мама, переведя взгляд на сына.

Тот лишь пожал плечами и выдал:

– Проснулась рано, небось, стекло лобовое как надо не протерла, вот и вписалась бампером в дверной косяк, –

и продолжил жевать, поглядывая на настенные часы над столом.

– Ну и что с тобой делать? – улыбнувшись, поинтересовался отец. – Отправить на штрафстоянку?

– Вот как ты умудряешься, Жень?! – воскликнула мама, с беспокойством осматривая меня.

Фу-у-ух, кажись, критический момент пережит, спасибо Мишке.

– А с губой чего? – тут же разочаровал отец, продолжая держать мою голову: шея уже болит. Я виновата, что самая мелкая в семье?!

Правда... ответить-то что?

– Да я... — Ну же, думай! Думай! — Я...

И снова заботливый брат пришел мне на помощь.

– Сама, небось, аварию себе устроила, – хохотнул он, выходя из-за стола и направляясь к умывальнику. – В прошлом году, помните, в снег с крыши прыгала с уличными мальчишками, так ведь коленом фару себе левую разбила.

– Эй! – воскликнула я раздосадовано, мотнув головой. Отец убрал руку с моего подбородка, и я повернулась к умывающемуся Мишке. – У меня глаза, а не фары!

– Факт остается фактом, – по-доброму улыбнулся он, смотря на свое отражение и подмигнув.

Да-да, знаю, спасибо тебе, спасибо.

– Все зубы на месте?

Я аж вздрогнула, а родитель развернул меня к себе тем же

жутким способом, что и брат около часа назад.

Болт я им, что ли?! Что ж меня крутят-то постоянно?!

Промычала в знак согласия, не собираясь тревожить семью еще больше. Ясное дело, придется сказать, да и сами заметят, но как-нибудь в другой раз, пусть без волнений едут на работу.

– Покажи, – голос отца настоящим приговором отозвался в моей голове, а сердце ухнуло в пятки. Мало того, что соврала, так еще и не знаю, что придумать в свое оправдание.

Не спеша стала открывать рот, чувствуя, как снова задрожали колени, и тут же сомкнула губы от неожиданно зазвучавшей мелодии.

Отец скорчил недовольную рожицу, быстро достал мобильник из кармана своей светлой рубашки и, не глядя на экран, принял звонок. В тот же момент я услышала, как кто-то приглушенно закричал из трубки. Родитель спокойно выслушал этот вопль, после чего немного раздраженно ответил:

– Я один в бригаде?! Моя смена начнется через час! – Закатил глаза к потолку, принимая очередную порцию криков себе в ухо. – Щас приеду, не ори так! Твой склад все равно сгорит, я же не ракета! – И, сбросив вызов, нервно убрал мобильник обратно в карман. Он пожарный у нас, причем нарасхват, с собственной машиной, огромной и красной. – Поговорим вечером, – шепнул мне отец на ухо и, легонько хлопнув по макушке, а словно леща отвесив, прошел к двери. –

Всем удачного дня! – И я услышала, как хлопнула дверь.

Мама, видимо что-то вспомнив, вылетела следом, а Мишка снова мне улыбнулся, довольный собой, как никогда ранее.

– Ешь давай и выходи, я в машине буду, – быстро проговорил он с важным видом и тоже покинул дом.

Я в ответ лишь облегченно вздохнула, хоть и знала, что это еще не конец.

Повышенное внимание родителей конкретно ко мне – убивало. Хоть с работы приходили чуть ли не в полночь, конечно же уставшие, умудрялись засунуть свои носы в мой дневник, который я для них-то и вела.

Почему так поздно домой возвращались? Ну так, мама же ответственная, старается делать все идеально, поэтому на износ работает в магазине, доставшемся ей от семьи. А папа... У того график вообще суровый и частые ночные смены. Но ведь находили время на меня. И так всю жизнь. Потому что я девушка? Лучше бы мальчишкой родилась! Мишку вон не трогают и раньше не донимали...

Мысленно замолчала, оторопев от своего откровения и вспоминая, что во сне я себя представила как раз парнем. Поэтому?... Ну блин, видать реально всему можно найти объяснение.

Все еще обалдевая от пришедшей мысли, села за стол, хотела быстро позавтракать, но не смогла и чаю выпить: десна и губы от горячей воды стали пылать еще яростнее. По-

морщившись и прикрыв ладонями рот, сбежала в комнату собирать портфель. Однако это в кратчайшие сроки сделать не удалось: мама пришла почти что следом за мной.

Вообще-то, я безумно люблю своих родителей, ну и брата, разумеется, тоже, только порою они все меня выбешивают своим занудством. Если отец просто не любил сюрпризы, то мама хотела исправить всех и вся и сделать жителей планеты такими же правильными, как она сама. Перечитав гору книг, пичкала цитатами даже посетителей магазина, ну а я была ее излюбленной мишенью. Как-то слышала от бабушки, что отец был в молодости еще тем шалопаем. Как он только женился на маме? Не, наоборот, как это она вышла за него замуж? Историю их знакомства я знала, однако все равно не понимала. Такие ж разные были. А потом, очевидно, отец перевоспитался. Единственное, чем они раньше походили друг на друга, да и сейчас – это внешностью. Оба кареглазые, темноволосые, и нас с Мишкой наградили тем же. Только и здесь я отличилась: коричневая ворона в чернокрылой стае.

– Так что случилось на самом деле? – как обычно тихим ласкающим слух голосом спросила мама, и я тяжело вздохнула.

Ну вот что я должна была ей сказать?

– Честно? – поинтересовалась я и тут же продолжила: – Не знаю.

Естественно, такое заявление маму: не убедило – это раз,

удивило – это два, разочаровало – это три. Лучше бы я наврала с три короба. Приготовившись выслушать очередную нотацию длиною с электричку, виновато поджала губы и уставилась себе под ноги, только не судьба.

– Женька?! – раздался Мишкин вопль откуда-то из кухни, а следом хлопнула входная дверь.

Я скосила взгляд на маму в ожидании ее реакции.

– Будь поосторожнее, ладно? – улыбнувшись, смягчилась она.

Я искренне дала ей обещание, в темпе собрала портфель, выбежала в коридор и, на ходу натянув черные кроссовки, вылетела на улицу к брату, уже заведшему свою десятку. В школу ехать не хотелось, тем более показываться на глаза Нинке, да и другу своему тоже, но разве у меня был выбор?

– Чего так долго? – нервно поинтересовался Мишка, посмотрев на меня в зеркало заднего вида. Я лишь пожала плечами.

Как выразился отец: я же не ракета, а учитывая тот факт, что и позавтракать не смогла, пусть скажет спасибо. Я еще и быстро справилась!

Однако высказывать все это вслух я не решилась хотя бы потому, что была ему очень благодарна за защиту, и, тихо-нечко сев ближе к двери, уставилась в окошко на наш здоровенный бежевый дом, обшитый виниловым сайдингом.

А потом мы тронулись...

Уже давно не хромая, выбросив искусственный горб-подушку, спрятав не свою трость под мышку и выпрямившись во весь – надо заметить – немалый рост, мужчина, все еще пребывая в облике старика, приближался к следующему посту оэнгеров, думая о том, что ему несказанно повезло на предыдущем. У Паулина были все карты в руках: узнал его, а значит, мог с чистой совестью заковать или даже убить, только не стал – дружба не позволила.

Много лет прошло с их первой встречи, и всякое случилось. Сейчас, например, хоть и были на одной стороне, боролись за разное. Однако никогда не забывали былые времена. Такое нельзя забывать, иначе придашь самого себя. И Риус помнил, очень хорошо помнил доброту своего друга.

«Хороший он все-таки человек, несмотря на вздорный характер, — „старик“ даже усмехнулся своему выводу и тут же от него отказался: — Убил бы его, если б мог. Это не человек, а ходячее милосердие, любящее попрекать своими добрыми делами им же спасенных!»

И все-таки мысли о каждой стычке с Паулином вызывали не только раздражение, но и улыбку. Этих двоих можно было назвать братьями, не смотря на то, что разных кровей. Правда, они отличались друг от друга кое-чем еще: Риус ненавидел Дэмиоса сильнее. Его отец Б'ёрис устроил в Иллиии настоящий хаос, вынудил многих искать лучшую жизнь вне мате-

рика. Если бы не это, родители Риуса не погибли бы от рук пиратов. Такое тоже не забывается, просто невозможно забыть. А Дэмиос – всего лишь щенок, которого надо задавить, тогда в мире воцарится хоть какое-то подобие мира...

Озлобленный своим же потоком мыслей Риус перестал строить из себя невесть что и, привлекая внимание оэнгеров, прямо у самого моста стянул с головы колючий парик, державшийся благодаря присохшей грязи, а с лица попахивающую спиртным бороду. И не с обычного ведь лица, а с очень знаменитого по всей Илли, разве что единицы, зачастую выходцы из далеких деревень не знали, кто он такой.

Оэнгеры мгновенно навели оружие на опасного преступника, раздумывая, каким доставить его вершителю – живым или мертвым, только в следующую секунду многие из них нацелились уже на своих товарищей, а из леса, возле которого находился пост, с громкими криками и смехом высыпала толпа разбойников в темно-зеленых мантиях с надвинутыми на лица капюшонами.

Не один Риус был недоволен властью и своей жизнью, многие хотели чего-то другого. Чего-то, но пока непонятно чего. Счастья, благополучия, мира, денег... Причин было море, однако лишь единицы понимали, что построенный на войне мир вряд ли будет способен удовлетворить все запросы пусть даже частично.

На место Дэмиоса придет новый вершитель... Кто? Как он будет выбран? Сколько тогда людей останется недоволь-

ными?..

– Вы с нами или против нас? — равнодушно осведомился Риус, осматривая тех, кто все еще целился в него, наивно полагая выиграть эту битву силой, а не дипломатией. И его взгляд красноречивее любых слов говорил, что от решения этих людей зависит их собственная жизнь.

– С Безликими? — усмехнулся верховой оэнгеров, уверенный в преданности оставшихся с ним людей. — Да ты верно спятил?

Что ж, некоторые с ним не согласились: пятеро человек быстро передали оружие разбойникам, не собираясь умирать за вершителя, который, впрочем, и им платил не так много, как хотелось бы. Увидев это и хорошо поразмыслив, еще трое присоединились к безликим.

Верховой казался слегка удивленным, разочарованным, злым и с дрожью в руке продолжал целиться в Риуса, как и еще несколько оэнгеров. Самоубийцы, иначе их не назовешь.

– Ясно, — расстроено прошептал «старик», к подобному привыкший, но каждый раз сожалеющий, что выходит все именно так.

Мужчина полез в карман платья, которое пока не успел снять, и, среагировав мгновенно, верховой выстрелил из револьвера. Риус не менее быстро отпрыгнул в сторону, откуда метнул свой короткий нож. А ведь научили его этому как раз пираты. Лезвие вонзилось человеку точно в лоб, не да-

вая и шанса остаться среди выживших, а верные – то ли ему, то ли вершителю – товарищи к этому времени уже лишились своих жизней благодаря остервенелости людей Риуса.

В подтверждение своей преданности новому предводителю те восемь оэнгеров спешно подбежали к убитым, разоружили их и потащили за ноги в лес под одобрительное улюлюканье безликих.

– Дождь скоро пойдет, — тихо сообщил Риус, со вздохом облегчения снимая с себя серое платье насквозь пропитого старика.

– Это хорошо, — приятным голосом согласился с ним один из оставшихся, все так же пряча лицо под капюшоном. — Смоет с моста кровь, пригонит к нам в лес новую добычу... Мы ждали тебя, — усмехнулся он погодя. — Знали, что ты вернешься. Это же ты...

– Надо рвать когти в Палаван, пока стражники не начали шерстить окрестности, — вместо ответных эмоций объяснил тот, глядя на небо, востропел, махнул рукой, приказывая всем возвращаться в лес, и сам двинулся в том же направлении. — Только подождем кое-кого и рванем.

– И кого же? — заинтересовался тот, поспешив за ним следом.

– Амакаши Мумб Юн, — тихо ответил Риус, искренне улыбаясь, — Амакаши... Мумб Юн, — с воодушевлением повторил он и скрылся во тьме леса.

Зэндаар, окрестности школы

– Жень?! – громко окликнул Мишка, и я вздрогнула от неожиданности. – Ты где летаешь? Мы подъехали уже.

– Что?..

Не моргая растерянно уставилась на брата, выглядывающего из-за своего сидения. Кажется, он был чем-то обеспокоен, протянул руку и помахал ею у меня перед глазами, пытаясь вернуть свою чудаковатую сестру, то бишь меня, в реальность.

Осторожно откинула его ладонь, затем посмотрела в окно... Похоже, я на какое-то время отключилась от этого мира. Помню, что машина двинулась вперед, а дальше все как в тумане. Какая-то трава, чей-то возглас: «Смотри, очухался!», глубокое синее небо над головой...

– Женька?!

Подскочила на сидении от еще одного вопля, резко вырвавшего меня из транса, и взглянула на брата.

– Ты боишься, что ли? – предположил Мишка, поглядывая на меня уже с удивлением.

Теперь он висел на спинке сидения, и его правая ладонь мирно покоилась на моем плече. Когда успел?..

Я замедленно качнула головой, смахнула его руку и выбралась на свежий воздух, стараясь не обращать внимания на взволнованного родственника. После чего аккуратно прикрыла дверцу: Мишка дорожил своими машинами, навер-

ное, в той же степени, что и мной, поэтому сильно сердился, если кто-то обходился с ними грубо – и, не оборачиваясь, двинулась к школе, на прощание махнув брату рукой.

Тот, слава богу, не стал тормозить и уехал довольно быстро, оставляя меня наедине со своими кошмарами, один из которых находился прямо передо мной.

Школа. Та-да-да-дам... Прямо холодок по коже. Бр-р. Та самая улица, только не такая серая и без вымазанных в крови людоедов, машина директора...

Я даже вздохнула с облегчением, увидев, что на крыше пепельной Мазды никого нет. Но все равно интересно, кто же тот парень, что мне во сне встретился? Хотя... Какая, блин, разница?! Что со мной вообще творится?!

Ускорила шаг, чтоб не видеть эту доставшую меня дальше некуда улицу, напоминающую о страшных тварях и том инциденте с разделением. Преодолела чертову дюжину ступенек, огибая нескольких учеников на лестнице. Юркнула в открытые двери и кое-как успела нырнуть в нужный мне коридор, не столкнувшись ни с одним из спешащих в свои классы учеником. Впервые эту манеру заметил мой лучший друг – Александр Пришвин: как оказалось, я всегда старалась обходить людей стороной. Сама уж не знаю почему, просто нравилось мне между ними лавировать.

Перед началом урока двери в кабинет литературы, как обычно, были открыты, так что я беспрепятственно вошла в класс и сразу (конечно, это же я) нарвалась на худощавую

крашеную блондинку с большими серыми глазами.

– Опа, – со смешком произнесла Нинка и, улыбаясь нарочито счастливо, взглянула на мою губу. Действительно сложно не заметить, особенно, если у тебя мания выискивать в конкретном человеке недостатки. – От кого же тебе прилетело? Я вроде не трогала тебя последнюю пару дней.

Ее новая и обязательно верная подружка, стаявшая справа от нее, противно захихикала, поддерживая шутку, а Нинка Колотова разочарованно хмыкнула, поняв, что зацепить меня не удалось.

– Мбхова?! – раздался вдруг громкий возглас за ее спиной, не дав той ляпнуть еще что-то.

Одноклассницы на автомате обернулись назад, а я, воспользовавшись их секундным замешательством, быстренько промчалась мимо, не коснувшись ни одной из них.

– Крутой дриблинг¹, – похвалил Сашка, продолжая сидеть на нашей парте.

– А то! – согласилась я, подходя ближе и искренне радуясь, что сегодня друг умудрился не опоздать: он жил довольно далеко от школы, но не любил автобусы, вот и топал пешком, зачастую выходя из дома позже, чем следовало бы.

Пришвин, улыбаясь во все зубы, протянул мне руку – для нас было совершенно нормально здороваться, как мальчиш-

¹ Дриблинг – Сашка часто использует подобные словечки в повседневной жизни. Ну, в общем-то, всегда в тему, ведь дриблинг – это продвижение игрока мимо защитника. А Нинка – еще та стена. Амакаши.

ки – только, не отпустил, когда я попыталась вернуть свою правую себе.

– Это еще что такое?! – взорвался он при виде распухшей губы, тут же взлохматил мне волосы, зная, что я всегда убираю челку с глаз, и сильнее выгнул брови. – Еще вчера этого не было.

– Да просто...

Я не знала, что ответить, не могла придумать, да и не хотела ему врать, хотя бы ему, поэтому, грубо усадив его за парту, заняла соседний стул и собралась в кратком изложении поведать о своем странном сне и его последствиях, но замолчала, кое-что заметив.

– Что... это такое?.. — нагло протянула руку и отодвинула в сторону воротник его рубашки. На шее в нескольких местах виднелись... сине-зеленые синяки, и судя по их форме... Что за?..

– Да так, — отмахнулся он от меня и спешно застегнул пуговицы. — В ШОД²е досталось, — еще и улыбнулся как-то странно: слишком нервно.

Что ж, В ШОДе, конечно, могло. В этой своей школе для одаренных детей он и правда иногда получал ушибы да ссадины, в первый год обучения даже очень часто, но, посещая ее каждый день в разное время суток, и в будни, и в выходные, не любил распространяться о том, чем там занимал-

² ШОД – дословно «Школа для одаренных или особенных детей». И Пришвин действительно из таких. Амакаши.

ся. Одно мне было известно точно – все в той школе было связано со спортом, и Сашкин тренер возлагал на него большие надежды, считая его будущим чемпионом по боксу. Пришвин этому не противился: ему нравилось махать кулаками и при этом не создавать себе проблемы.

Я вот всего один раз видела друга в деле, после чего назвала его Скорпионом – такой же быстрый и смертельно-опасный. Причем его движения очень резкие, перехода нет совсем: вот он стоит, а в следующее мгновение уже происходит удар. Выглядит это жутко, по крайней мере, для меня, зато с таким ничего не страшно, и в правду, как за каменной стеной. Помню, что прозвище ему тогда понравилось, но из вредности он решил и мне придумать что-нибудь, а потом несколько дней дразнил Махаоном, то ли в рифму к своему, то ли из-за фамилии...

Вот только кулаком такие синяки не сделаешь. Его будто душили... В ШОДе, как-то он упомянул об этом, строгие правила и жесткая дисциплина. Не могли там. Значит...

– Саш, — осторожно обратилась я к другу, зная, в общем-то, что лучше не лезть к нему в душу и не поднимать запрещенную тему номер один, — это отец сделал?

Пришвин нервно повел плечами, хотел что-то ответить, но лишь зубами скрипнул не в силах это произнести.

Он всего раз доверился мне несколько лет назад и смог рассказать: ему с родителями не повезло. Мать куда-то пропала, когда ему было всего пара месяцев. Отец, решив вос-

питать ребенка самостоятельно и надеясь, что та вернется или найдется, в итоге сильно запил. Так что Пришвин, можно сказать, был сам по себе. Дома находился редко: то у друга своего Пашки, то у меня, то в школе или ШОДе...

Но, как говорится, родителей не выбирают. Радует, что сам он от этого не стал плохим человеком. А может, даже благодаря этому. И все же я сильно беспокоилась за него из-за подобного...

Душил? Серьезно?! Скажу отцу, пусть принимает меры. Пусть, ну не знаю... Нет, Сашка не согласится. Его ведь тогда в детский дом отправят... Че-е-ерт.

– Слушай...

– Замолчи, — шепотом пресек Сашка любые вопросы по этой теме. Да, подпортила я ему настроение. — Рассказывай лучше, что там у тебя случилось? — И выжидающе взглянул на меня, натянув на лицо веселую улыбку.

– Ну-у...

– Я слушаю, — напомнил он. Пришлось сдать.

Говорила я недолго, описывала основные моменты, исподтишка наблюдая за реакцией Сашки. Его лицо меняло выражение несколько раз, а в темно-карих глазах читалось недоумение.

Конечно, как лучший друг, он был обязан мне поверить, однако я и сама уже сомневалась в своей адекватности. А все еще ноющая челюсть лишь доказывала, что я была не в себе: в нормальном состоянии человек не станет себя калечить.

Одно успокаивало: Пришвин никогда не назвал бы меня сумасшедшей и постарался бы сделать вид, что хотя бы часть сказанного он принял на веру.

Вообще, Сашка – потрясающий друг, к тому же еще и красавец. Эти черные выразительные глаза... обожаю, когда они блестят, словно в них мерцают звездочки, маленькие такие, яркие. А его прическа. Темные волосы коротко пострижены под машинку, но пряди на теменной части и в челке, не падающей на глаза, длиннее – прям удовольствие подержаться за чуб, правда Сашка постоянно брыкается, если я так делаю. Физически крепкий, высокий, веселый... Хах, я по уши в него втрескалась еще в начальных классах.

– И ты хочешь, чтобы я во все это поверил? – Пришвин выгнул только одну бровь и уставился на меня, как на контуженную.

– Ну, – пожала я плечами, – не хочешь – не верь, – и принялась выкладывать на парту учебные принадлежности, затылком ощущая пронзительный взгляд друга.

Не дождавшись, пока я сама к нему повернусь, чтобы продолжить наш странный разговор, он дернул меня за плечо и привлек к себе: глаза в глаза, нос к носу, рука к руке, излучающий взгляд парня и его потрясающая улыбка...

– А если честно? – прошептал этот коварный змей, искусно играя на моих чувствах.

Внизу живота моментально разлилось приятное теплое волнение, перехватило дыхание, а в голову с фейерверком

примчались неподозволенные мысли, хотя я прекрасно понимала, что все мои фантазии никогда не перенесутся в реальность.

Что же ты творишь?..

Сашка наклонился еще ближе, заставляя меня удивляться его уже откровенной наглости и жестокой шутке. Слишком жестокой для меня. Наши губы почти соприкоснулись, на миг я даже закрыла глаза, ожидая долгожданный поцелуй, почувствовала его отрывистое дыхание, а затем...

– Брось его здесь. Нечего ему под ногами валяться, — этот голос я узнала. Он принадлежал главному оэнгеру с заставы. Но какого?..

Полностью обалдеть от такой галлюцинации я не успела: губы Сашки вскользь коснулись моих, и в тот же миг меня ударило током. Будто я со всей дури шарахнулась башкой об асфальт. В затылке дернуло так, что я отскочила от Пришвина, упала со стула и чуть не отбила себе пятую точку. В панике посмотрела на обеспокоенного друга, не зная, что делать и как себя повести, но, решив не говорить о своем видении, покрутила пальцем у виска, всё еще чувствуя пульсирующую боль в голове.

– У тебя совсем башню сvezло?! – злясь (только на него ли?), спросила я, поднимаясь, и Сашка захохотал во весь голос. – Идиот, – буркнула я, снова усевшись на стул и искусственно улыбаясь во все свои двадцать восемь зубов. То есть, теперь двадцать семь.

Я всегда сглаживала всё шуткой и улыбкой, если это касалось Пришвина, пряталась за них, чтобы не выдать настоящие эмоции, а сейчас вот своего сумасшествия. Иногда мне казалось, что Сашка делал так же. Быть может, мы всего лишь два дурачка, которые боятся признаться друг другу, вот только однажды я уже попытала счастье, и он меня отверг. Тогда мне тоже пришлось повернуть всю ситуацию в другое русло, а вот осадок неприятный на душе остался...

И в данный момент это волнует меня куда меньше всего того безумия, что со мной творится. Не хочу снова к психиатру...

– Пришвин?! – вдруг окликнула Тамара Александровна грозным голосом. У меня аж мурашки по телу пробежали, талант прямо опускать мое настроение ниже плинтуса. – Над чем это вы смеётесь? Не поделитесь с классом?

Еще одна Кблотова (везет мне на них), но эта гордо носила первый номер. Только, что одна, что вторая – обе заносчивые и высокомерные... э... леди, которых я не переносила на дух.

Учительница прошла к своему столу и разложила на нем кипу тетрадей.

– А разве это запрещается школьными правилами? – как бы между делом спросила я, понимая, что нарываюсь... Вот и что я к ней лезу?! – Звонка еще не было.

Преподаватель среагировала как всегда нервно: гневно уставилась на меня, взглядом прожигая дыры в моей неокрепшей психике. И с чего она так озлобилась? Я долгое

время думала, что из-за брата моего – они встречались как-кое-то время, когда сами были в старших классах – что-то вроде мести, однако если речь заходила о Мишке, она начинала сиять, как звезды на небе. Тогда меня за что ненавидела? Я как-то спрашивала у брата, почему расстался с ней, он и ответил: «Бампером не вышла, ни задним, ни передним, и фары ее сверкают не так ярко, как хотелось бы. В темноте ни черта не видно». Лучше бы и не спрашивала, все равно фиг разберешься в его метафорах.

Звонок прозвенел почти сразу, заставив меня вздрогнуть: я слишком глубоко погрузилась в омут яростных серых глаз учительницы, пытаюсь ее переглядеть.

– Мохова, быстро к доске! – не без радости вынесла мне приговор Тамара Александровна.

Ну вот, сама же напросилась. И кто меня только за язык тянул?! Что за бесы в меня вселились?! Или я просто пытаюсь отвлечься от мыслей о своих сдвигах?..

С огромным нежеланием встала из-за парты и двинулась прямо к ней, к этой террористке Колотовой. Даже фамилия зверская какая-то, заколет еще указкой своей, что так любовно в руках держит. Блин, я вообще не настроена отвечать на ее вопросы. Сейчас как спросит, какого цвета носки были у главного героя, так и сяду с новой двойкой. Не, я училась нормально, чаще на четверки, тройки и пятерки проскакивали редко, но когда к тебе просто хотят придраться, сложно противопоставить такому настрою что-то весомое. По край-

ней мере, мне.

«Сегодня, наверное, абсолютно не мой день», – грустно подумала я, посмотрев на учительницу в ожидании ее задания.

Та кровожадно улыбнулась, предвкушая надо мной расправу. Я прям невольно мысленно перекрестилась и возжелала, чтоб случилось сейчас что-то настолько неожиданное и серьезное, что спасет меня от этого чудовища хотя бы сегодня. И случилось.

На самом деле случилось!

Произошло нечто до жути странное: сначала я почувствовала колики в ладонях, словно маленькие разряды тока, а затем внезапно, разрезая напряженную тишину, раздались три коротких звонка.

В приличном таком шоке я взглянула на потолок, не знаю, что ожидая увидеть, но, ничего необычного не обнаружив, перевела внимание на преподавателя, слыша, как бахает мое сердце.

Это же случайность, верно? Простая случайность... Или снова галлюцинации?..

Разубеждая меня в этом, звонки снова повторились, и на сей раз сомнений не осталось.

– Собирайте вещи и за мной по двое! – скомандовала Колотова, сгребая тетради. – Особое приглашение надо? – зыркнула она на меня, и я замедленно качнула головой, все еще не веря своему счастью, вследствие чего и отморожилась.

Бросилась к парте, ускоренно закидала учебные принадлежности в портфель и уже в паре с Сашкой встала в конце строя.

Спустя примерно десять минут все тысяча с лишним человек, посетивших сегодня школу, вывалились на улицу и построились по классам. Провели переключку, что-то рассказывал директор, и нас вдруг отправили по домам.

– Похоже, не учебная, – шепнул на ухо Сашка, вытягивая меня за руку из толпы.

– А я что-то не въехала, – мотнула я головой, тщетно пытаясь прийти в себя. – Чего стряслось-то?

– Сам не понял, – пожал он плечами. – Дыма нет, сигнализация взбесилась, что ли? Вроде, провода оплавилась, или что-то типа того.

Все еще уговаривая себя не верить, что случилось подобное по моей вине, я не мигая уставилась на друга. Желания не исполняются – это я усвоила давно, а если все же повезет, то явно не так быстро...

Да что ж за день-то такой сегодня? С ночи покоя нет!

– Домой сейчас? – оборвал мои мысли Пришвин, с беспокойством глядя на меня. – Что с тобой такое?

– А? – отозвалась я немного нервно. – Все в порядке, просто головой сильно треснулась. Хорошее же у нас качество дверных косяков.

Пришвин в ответ задумчиво хмыкнул, после чего обернулся на ворота в школьный двор, куда подъехала пожарная

машина.

– На всякий случай, должно быть, – прокомментировал он, взъерошив себе волосы.

Давно мы не общались вне кабинетов: у него соревнования шли одно за другим, раньше всех уходил, и домой я топала в одиночку, если брат не приезжал в свой обеденный перерыв.

С легкой улыбкой осмотрела высокого друга (выше меня на целую голову), в который раз с радостью отметив, что ничего в его стиле не изменилось: темно-серая рубашка с коротким рукавом и воротником на белых пуговицах, мягкие широкие брюки с белыми лампасами, ну и, конечно же, черные кроссовки с красными полосами, которые он так называть никому не позволял. Боксерки³ так боксерки, вид у них все равно кроссовок.

– Ты уснула? – удивился вдруг Пришвин, щелкнув у меня перед носом пальцами. – Домой, спрашиваю?

– Конечно, – на этот раз быстро ответила я. – Куда ж еще-то? – и насколько могла мило улыбнулась. Что-то не так... Со мной явно что-то не так... – Ты в ШОД?

– Ага, – кивнул он. – Пошли тогда, – парень приобнял меня за плечо и потащил прочь от школы.

³ Боксерки – это такая обувь для бокса, внешне напоминающая кроссовки, но с высоким голенищем для лучшей фиксации голени и с нескользящей подошвой. Зачем он ходит в подобной обуви даже вне школы?.. Думаю, все дело в уверенности и привычке. В них он чувствует себя комфортнее и (лишь мое предположение) сильнее. Амакаши.

Чувствуя себя неловко, потопала рядом, исподтишка поглядывая на друга. Неужто соскучился по мне? Довольный такой, светится весь... Точно!

– Ты же первое место занял на межшкольных, – вспомнила я с восторгом, решив, что именно поэтому у Сашки такое хорошее настроение. – Поздравляю!

– Да брось, – смущенно отвел он взгляд. – Получать награду за то, что кому-то в челюсть настучал – как-то странно, не находишь?

– Э... ну... разве что совсем немного, – согласилась я, поразмыслив над его словами, и замолчала.

Почему-то всегда, когда мы оставались с ним наедине, у меня в голове умирали все мысли, и тем для разговора не находилось. Нельзя же молчать всю дорогу!

– Я...

– Я...

Оба резко смолкли, а следом за этим рассмеялись, мгновенно сбрасывая все напряжённее, вот только рука чья-то с золотыми часами вдруг легла на плечо Пришвина, и меня придавив слегка. А веселье наше сменилось удивлением. Хотя уже спустя секунду я прикусила себе губу, чтобы болью оборвать все слова, собирающиеся вырваться наружу.

– Куда летишь? – громко и чему-то радуясь, спросил Сашкин друг, осознанно меня проигнорировав. Ох уж этот котяра рыжий, терпеть его не могу. – Еле догнал.

– А че догонял тогда? – недовольно буркнула я, с каждой

секундой бесясь все сильнее.

– Хох, как недружелюбно, – продолжая лыбиться, ответил Пашка, бросив на меня косой взгляд. И глазища какие-то кошачьи: большие, зеленые, и зрачок чуть удлиненный. – Поцеловалась с кем-то неудачно?

А вот этого я не ожидала, даже затихла от шока, зато Сашка сжал ладонь в кулак, что на моем плече покоилась. Я же, собравшись ответить в тон Елецкому, снова замолкла, потому что меня опередил Пришвин.

– Ну-ка цыц оба, – раздраженно бросил он, глядя только вперед.

Я знала, что Пашка его друг детства, но ничего не могла с собой поделать: у меня складывалось впечатление, что он – моя наглая, рыжая, патлатая соперница, у которой на Сашку больше шансов, нежели у меня.

– Обе, – поправила я Пришвина, и он почти сказал это, однако, взглянув на меня исподлобья, промолчал.

Все: прогулка наша была бессовестно испорчена. Парни стали обсуждать межшкольные соревнования, сражения не только на кулаках, но и в баскетболе, футболе и иже с ними. Так и хотелось цапнуть Елецкого за пальцы, чтоб руку свою с Сашкиного плеча убрал. И вот зачем он влез? Что ему нужно-то? Я до сих пор не понимаю, почему он в школу нашу перевелся в начальных классах: богатый, стильный, высокий, симпатичный – такие должны жить подальше от нормальных людей. Присосался к Сашке, как энцефалитный

клещ и разьедал ему мозг. Испортит ведь мне друга: сам курит, выпивает и девушек меняет, как перчатки...

– Жень? – выплыл вдруг из-за стены моих мыслей спокойный и тихий голос Пришвина.

– Да?

– Он ушел давно.

Я резко остановилась, вынуждая тормознуть и Сашку, взглянула на него: взволнованный и немного удивленный, а Пашки рядом и правда нет.

– И пришли уже, – огорченно хмыкнул друг, посмотрев мне за спину. Проверая, обернулась, чтоб взглянуть на свой дом, и растерянно заморгала, не понимая, как так-то. – Я не врач, – произнес вдруг Пришвин, очень бережно убирая челку с моих глаз, – но с тобой явно что-то не то.

Я не нашла, что ответить. Просто не знала. Этот провал был таким же, как в машине, а до этого во сне. Я снова начинала терять ощущение реальности...

– Выспись хорошо, ладно? – с беспокойством во взгляде попросил он, убрал руку от моего лица, еще секунду смотрел на меня, после чего уставился на боксерки. – Увидимся завтра в школе, – как-то очень грубо сказал Пришвин и направился дальше, оставив меня в недоумении смотреть ему вслед.

Черт знает, что творится. Вот же дура, такой шанс упустила!..

Очень быстро и нервно открыла калитку, хлопнула ей на-

зло своей больной головушке, сжав зубы, подошла к двери, достала из кармана ключи, а затем оказалась уже разутой и у кровати.

Да что... происходит?..

Найти ответ на этот вопрос я не успела: на миг передо мной возник образ девушки в маске, кажется, я все же легла в постель – не уверена, а потом – голубое небо и мягкая зелёная трава...

4 глава.

По следам сагота

*Кто-то просил богов
дать им священный меч,
Чтобы сразить врагов
и мир свой суметь сберечь...*

Гвадаар, юго-восток Илли, с. Балашки

Когда-то давно это место почитали, как священное, дающее начало великим родам могущественных воинов, способных мудро править Гвадааром и его жителями или же противостоят добру, творя не менее великое зло, теперь оно лишь отдаленно напоминало тот прекрасный город, многие века даривший всему живому чудеса и мир.

Баллá Акши́ – таково было первоначальное название Балашек и означало оно «верные слуги» или «верноподданные», но, судя по легендам, не первому его жителю, а тем, кто находился по другую сторону дремучего леса.

Превратив часть земли в обожженную черную поляну, дышащий самой тьмой Рокк возвел здесь свой замок и долгое время обитал в этих краях. Его брат, племянники и дети тамошних магов оберегали – нет, не его – весь Гвадаар от озлобленного дракона, сдерживая его силу и испепеляю-

щее дыхание.

Были и другие, кто хотел помочь, поэтому в скором времени Балла Акши превратился в город, где процветали чудеса, создавались артефакты, учились волшебным ремеслам. Великие потомки сильнейших чародеев объединили свои рода с семьями искусных магов... Так и повелось, что в этом городе остались жить только те, кто был наделен силой.

Сдерживающих Рокка люди прозвали «защитниками» или саготами, противников такой позиции «самозванцами» или дэвраками. Это и стало погибелью для города. Стычки между магами или самими Мумб Юнами, прежде носившими гордое имя Мумбэ-Нитэри-Юнэс – Потомки Всесильного Основателя, заставили многих покинуть Балла Акши и обосноваться на западе Иллиии, где они и продолжили обучаться мастерству.

А время город не пощадило. Лес с каждым годом отвоёвывал все больше места, прорастая прямо в заброшенных домах... Затем и Рокк покинул этот мир, запершись в своем логове у Драконьих гор и скорее всего испустив там дух. Последний из Мумб Юнов – Аврэлий тоже канул в Лету.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.